

ОДЕРЖИМЫЕ НЕ НАВИСТЬЮ

КСЕНИЯ КРАСНАЯ

ОКСАНА БОРДО

Ксения Красная
Оксана Бордо
Одержимые ненавистью

<https://litres.ru/74489018>

Аннотация

Такого МЖМ на Литнет вы еще не читали.

Меня зовут Свята. Я приехала в столицу учиться. И спасти брата.

Для Савы Зимина я — рыжая дешёвка. Перекрасить в блонд. Взять для смеха. Выбросить.

Для Демьяна Чернова — сигнальный костёр. Слишком яркий. Пора тушить.

Для них двоих я стала трофеем в войне, которую они вели с пелёнок.

Я не продавалась. Но кто-то выложил моё лицо на закрытый аукцион. И они оба заплатили.

Пять дней взаперти.

Двое мужчин, которые ненавидят друг друга. Которые дрались до хруста — и тут же брали меня. Кровавые скулы. Сбитые костяшки. Чужие руки на теле одновременно. Они делали со мной всё, что хотели. Вновь. И вновь. И вновь. Их ярость не знала выхода. Кроме меня. Их дыхание. Их вес. Голоса, срывающиеся в хрип. Между нами не было слова «нет».

Была только я. Без надежды. Без себя. И только рыжие волосы — кричали, что я ещё жива.

Они думали, что купили продажную куклу. А когда поняли, что ошиблись...было уже поздно.

Я сбежала. Думала — всё. ...Но от таких, как они, не прячутся.

Особенно когда внутри — следствие, которое я так рьяно скрывала.

Содержание

Глава 1 Свята	5
Глава 2 Свята	10
Глава 3 Свята	20
Глава 4 Свята	35
Глава 5 Свята	51
Глава 6 Свята	63
Глава 7 Свята	71
Глава 8 Свята	81
Глава 9 Свята	99
Глава 10 Свята	105
Глава 11 Свята	119
Глава 12 Термодинамика	129
Глава 13 "Пять метров"	146
Глава 14 Демьян	157
глава 15 Сава	166
Глава 16 Свята	184
Конец ознакомительного фрагмента.	186

Глава 1 Свята

В нашем доме пахнет лекарствами и безнадёгой.

Точнее, это даже не дом — три комнаты в ветхом бревенчатом бараке на краю Светлогорска, где каждую зиму сквозь щели в окнах свистит ветер с промзоны.

Я провожу пальцем по подоконнику в комнате брата — серый налёт городской пыли смешивается с белыми разводами от соды, которой мама отмывает всё, до чего дотрагивается. Отмывает с яростным, бесполезным усердием, будто чистота может отвести беду.

— Святочка, посмотри, — Степа шевельнул пальцем, лежавшим на одеяле. Его ноги под грубым шерстяным пледом лежали неподвижно, как чужие. — Мизинец. Видишь? Я им сегодня целых три раза пошевелил.

Смотрю на его худые ноги, на этот едва заметный движение, и что-то сжимается у меня внутри в тугой, холодный комок.

Боль не острая, а тупая. Она живёт во мне с того самого ноябрьского вечера полтора года назад. Его сбил на «зебре» сын местного дельца.

Чёрный внедорожник, скользкий асфальт, громкий звук... а потом — тишина. Виновнику даже прав не лишили: «Не справился с управлением». А Степа перестал ходить. Врачи в нашей областной больнице только руками разводили: «По-

звоночник. Это навсегда». Но «навсегда» — это слово для тех, у кого нет двадцати миллионов на операцию в Москве. У нас их не было.

Мой брат в девять лет научился праздновать микроскопические победы. Шевеление мизинца.

— Это отлично, — голос у меня вышел слишком тихим, поэтому я добавила громкости, вставила в него ложные нотки восторга. — К следующей неделе будешь ногой дрыгать.

Он улыбнулся. Я ненавижу эту улыбку. Ненавижу, потому что она настоящая, а моя — всегда расчет, всегда защита.

— Фонд что-то пишет? — спросил он, глядя в потолок, где трещина расходилась лучиками от люстры.

Мысленно я перевела вопрос: «Когда я снова смогу ходить?». Всё в этом доме нужно переводить. Слова бабушки о проклятой красоте — на «не надейся». Молчание мамы за завтраком — на «я не справляюсь». Скрип половиц ночью — на «мы все не спим, мы все в аду».

— Пишут, — соврала я. — Скоро соберут.

Фонд «Новая жизнь» не писал уже два месяца.

Последнее письмо было вежливым, полным канцелярских оборотов: «...в связи с экономической ситуацией сбор приостановлен... необходимы дополнительные документы... рассмотрим ваше обращение в рамках следующего квартала...».

Бабушка сказала, прочитав, шёпотом: «Врут. Всегда врут»
Иногда мне кажется, что вранье у нас в крови. Как и уме-

ние бросать. Наш отец, Евгений Осокин, мастерски совместил и то, и другое. Он удрал в Москву, когда Степе было три месяца, оставив маму не просто с двумя детьми, а с долгами, которые она до сих пор потихоньку гасит. А потом выяснилось, что он там женился. На какой-то женщине моложе, с двумя своими детьми, которых он, по словам случайных свидетелей, содержит, водит в частные школы и холит. На своих — ему плевать. Как будто Степа и я — просто черновики, ошибки, которые можно стереть и забыть. Москва для него стала не городом, а способом стереть прошлое.

А фонд... Фонд врёт всем городом.

Маленький, затхлый Светлогорск, где все всё знают и все делают вид, что не знают ничего.

Где директор фонда — сват главного врача, а главный врач играет в покер с отцом Алины Горбуновой, той самой, что разбила мне нос в школьном туалете.

Время здесь будто остановилось лет тридцать назад, и люди живут по своим законам, которые не имеют ничего общего с миром за пределами нашей промзоны.

Законы столицы, глобальные изменения — всё это разбивается о местную реальность, как волна о бетонный мол. Здесь правят несколько фамилий, их деньги и их молчаливая договорённость ничего не менять. Город не развивается. Он просто тихо гниёт, и все делают вид, что так и надо.

Я высунулась. С первого класса. Своими пятерками, своими вопросами, на которые у учителей не было ответов. И

ещё чем-то, чего я сама не понимала. Чем-то, из-за чего на меня косились и шептались. Бабушка называла это «проклятьем нашего рода», но я никогда не чувствовала себя особенной. Я просто была собой. Почему это кого-то так бесило?

Это «что-то» я ощутила в полной мере на уроке литературы у Элеоноры Максимовны Стрельцовой. Ей под шестьдесят, и она до сих пор ходит в строгих костюмах с подплечниками, будто готовится к партсобранию. Она ненавидела меня молчаливо и изобретательно. За безупречное сочинение по Блоку могла вклеить «четыре с минусом»: «Слишком мрачно, Осокина. Не по-девичьи. И почерк нервный». Минус — за почерк. А на её лице читалось: «За то, что смеешь думать иначе».

Классный руководитель, Станислав Викторович Крюков, не отставал. Помню, как на одном из собраний он вёл разговор с моей мамой. Она сидела, съёжившись в своём потрёпанном плаще — том самом, который носит уже пятый год, потому что некогда и не на что думать о себе. Её лицо под тусклым светом лампы было серым от вечной усталости; она работает на двух работах и всегда измучена.

Крюков же, глядя куда-то поверх её головы, говорил масляным, поучительным тоном: «Способности у Святы есть, Татьяна Евгеньевна, но есть и проблема. Зазнайство. Считает себя выше других. Коллектив не принимает. Нужно быть попроще».

Я сжимала тогда кулаки под столом. «Высокомерно? По-

проще?» А что я делала не так? Я была самой тихой. Пыталась стать самой невидимой. Сидела на задней парте, говорила только когда спрашивают, даже дышала как можно тише. Но мои оценки кричали за меня. И, видимо, моё лицо — то самое, «не для нашей грязи» — было оскорблением само по себе. «Попроще» — на их языке означало «будь как мы». Тупее. Злее. Мельче.

Телефон в кармане потяжелевшей куртки вибрировал. Я знала, кто это, ещё до того, как достала. Сообщение светилось на потрёскавшемся экране, как открытая рана.

«Привет. Давай встретимся? Надо поговорить. Егор»

В который раз он мне уже пишет.

Имя ударило под дых, тупой, знакомой болью. Не от любви — от стыда. От того самого воспоминания.

Дорогие читатели! ## Пожалуйста, если вам понравилась первая глава, поставьте звездочку. Для начинающего автора это огромная поддержка и помощь в продвижении. Спасибо, что вы со мной!

Глава 2 Свята

Девять месяцев назад. Май. Последний звонок.

До этого дня Егор Туманов для меня был просто элементом пейзажа. Ясным, громким, недостижимым. Он нравился всем, и в этом не было ничего удивительного: сын главного инженера на заводе, звезда местной футбольной команды, высокий, с открытой улыбкой, которая, казалось, обещала солнечную, лёгкую жизнь. В средних классах он, как и многие, подтрунивал надо мной — «ботаничка», «ходячая энциклопедия». А потом, ближе к выпускному, всё изменилось...

Он начал попадаться на пути. Задерживать взгляд. Спрашивать, не нужна ли помощь с сумкой. Шутить, но как-то мягко. Я отнекивалась, пряталась, бегала от него как от огня. Но семнадцать лет — опасный возраст.

Егор умел быть добрым. Терпеливым. И я, одуревшая от вечного напряжения, от одиночества, от желания быть хоть для кого-то нормальной девочкой, а не ошибкой природы... я клюнула. Позволила этому ложному теплу растопить лёд недоверия. Он стал мне нравиться. Глупо, безрассудно. Я поверила, что за моими пятерками и странной, как всем казалось, внешностью, он разглядел что-то настоящее.

Я стояла у раздевалки в своём единственном приличном платье — синем в белую горошину, сшитом бабушкой.

Егор прислонился к шкафчику, блокируя проход.

— Ну что, умнейшая, — сказал он, и в его голосе была та самая мнимая нежность, которой я так жаждала. — Все пары расписались, а ты одна. Непорядок.

Сердце заколотилось глупо, по-детски. Я год смотрела на него украдкой, заучивала его расписание, знала, что он любит «Кино» и ненавидит овсянку.

— Я не одна, — пробормотала я. — У меня... планы.

— С кем? С книжками? — Он рассмеялся, и звук был таким тёплым, что я проигнорировала колкость. — Давай я покажу тебе настоящий праздник. После линейки. У гаражей. Там своя компания. Ты же не трусиха?

Я не была трусихой. Я была обманутой. Сказала «да». Пришла.

Их было человек семь. Алина Горбунова, Кристина Зайцева, ещё пара парней из его команды. И Егор. На столе стояло дешёвое шампанское и водка. В воздухе висела агрессия, приправленная майским теплом.

— О! Сама явилась! — крикнула Алина. — Чего пришла, ботаничка? Конспекты нам почитать?

Егор обнял меня за плечи. Рука была тяжёлой, горячей, властной.

— Не гони, Алин. Свята теперь с нами. Она же... умная. Нам как раз умных не хватает.

Смех. Звонкий, как битое стекло. Меня усадили на старый диван, вручили пластиковый стакан. Я сидела, сжимая его,

чувствуя, как под платьем от страха и предчувствия холодеет спина. Я искала его взгляд, искала подтверждение, что это всё ещё шутка, что он сейчас скажет «да ладно, ребят, хватит» и мы уйдём. Но он смотрел на меня с любопытством, как на подопытного кролика.

— Ну что, — Егор сел рядом, слишком близко, его колено упёрлось в моё. — Говорят, ты в меня влюблена. Это правда?

Кровь ударила в лицо. Я онемела.

— Видишь, ребят? Не отрицает! — Он повернулся к другим, и в его глазах, наконец, исчезла последняя маска. Там не было насмешки. Там было чистое, жестокое удовольствие.

— Представляете? Самая умная девочка школы, которая всех учителей по уму переиграла, вздыхает по мне. А знаешь, Светка, что я тебе скажу? Ты мне не пара. Ум, это, конечно, мило. Но скучно. И выглядишь ты... как тряпка. В этой самоделке.

Хохот. Кристина уже достала телефон. «Снимай, снимай!»

— Давай сделаем красиво, — Егор встал, потянул меня за руку так резко, что сустав хрустнул. Я, ошеломлённая, поднялась. — Встань тут. На фоне гаражей. Будешь как модель. Для умных.

Толчок был резким, в спину. Я споткнулась о разбитую бутылку, упала на колени. Асфальт вгрызся в кожу. Платье, порвалось с противным, хлётким звуком.

— Ой, прости, — сказал Егор, не скрывая широкой, до-

вольной улыбки. — Не удержал. Ну, вставай, модель. Покажи класс.

Руки дрожали. Я пыталась встать, но кто-то сзади — Алина — толкнул меня снова, уже между лопаток. Я ударилась лицом о ржавую, шершавую стену гаража. В ушах зазвенело.

— Смотрите, как грациозно! — визжала Кристина за кадром. — Прямо балерина! Талант!

Слёзы жгли глаза, смешиваясь с пылью и унижением. Я подняла голову, ища взгляда Егора в последний раз. Искала хоть искру стыда, сожаления, понимания, что зашёл слишком далеко. Он смотрел на меня сверху вниз, жуя жвачку, с тем же отрешённым, как и все. Я была не человеком. Я была мячом, который нужно было забить в ворота ради потехи.

— Всё, хватит, — наконец бросил он, когда слёзы потекли по моему лицу уже ручьём, смывая последние остатки достоинства. — Надоела. Иди уже, ботаничка. И не забудь, если кому слово скажешь, видео будет в каждом паблике. Тебе же хуже.

Я ушла. Не бежала — шла, ощущая каждый острый камень под тонкой подошвой туфель. Платье было испачкано в грязи и машинном масле, колено сочилось кровью, смешанной с пылью. Но это была ерунда. Больше всего было внутри — там, где он своими ложными знаками внимания выманил наружу моё доверие, мою глупую, девчачью надежду, и растоптал её на глазах у всех. Он не просто посмеялся. Он взял самое хрупкое, что у меня тогда было, и разбил об асфальт.

На следующий день видео не выложили. Видимо, пожалели. Или просто забыли, переключившись на новые развлечения. Для них это была минутная забава, один из многих эпизодов тупого вечера. Для меня — окончательный приговор. Себе.

Я смотрела в потрескавшееся зеркало в ванной, отмывая ссадины и пытаюсь отстирать пятно машинного масла на подоле платья. «Как тряпка». Его слова жгли сильнее йода. Он был прав. Я была тряпкой. Безвольной, молчаливой, странной. Кому я вообще могла понравиться? С моей нелепой внешностью, которая никому здесь не была нужна, с этой дурацкой неспособностью вписаться, поддержать разговор, пошутить громко, как все. Я не умела даже слов найти, чтобы защитить себя. Только молчать, краснеть и надеяться, что тебя не заметят. «Наивная дура. Доверчивая дура.» Разве нормальный парень, сильный, уверенный, может захотеть рядом с собой такое?

Этот вечер не сделал меня сильнее. Он раздавил последнюю хрупкую скорлупку детской веры — в доброту, в справедливость, в то, что можно просто кому-то понравиться. Я разочаровалась не в людях. Я разочаровалась в себе.

И из этой чёрной, липкой ямы, выползло единственное ясное, ледяное решение. Нужно уходить. Не чтобы стать валькирией и мстить. А чтобы исчезнуть. Чтобы стереть саму возможность такого унижения. И забрать отсюда Степу, маму, бабушку. Вырвать их из этого болота.

Степа пошевелил мизинцем снова.

— Свята? Ты как будто не здесь.

Я вздрогнула, вернувшись в комнату с серыми стенами и запахом лекарств. В руке телефон всё ещё показывало сообщение Егора.

— Я здесь, — прошептала я, стирая сообщение не глядя.

— Всегда здесь.

В соседней комнате зазвенела посуда — мама моет тарелки. Слышно, как она дышит ртом, устало, шумно. Бабушка в своей комнате тихо молится, бусинки четок постукивают о дерево.

Я подошла к маленькому зеркалу над комодом брата. В нём отразилось то, что бабушка называла «родовой отметиной», «проклятьем Маковки». Я ненавидела это лицо.

Огненно-рыжие, неестественно густые волосы, которые даже в тугом, строгом плетении, которому научила меня бабушка, казалось, вот-вот вырвутся и вспыхнут.

В детстве она заматывала мне голову платками, как старухе. Светло-голубые глаза, слишком большие, слишком яркие, словно они светятся изнутри, выдавая все мысли.

Бабушка однажды принесла мне очки с простыми стёклами, умоляла носить: «Спрячь, внучка, спрячь, чтоб не сглазили, чтоб не заметили».

Я разбила их.

Кожа, бледная и гладкая, как фарфор, на которой любая

эмоция оставляет след.

И губы... пухлые, влажные, будто постоянно приоткрытые для поцелуя, которого я никогда не хотела. И тело, которое с пятнадцати лет стало моим врагом — узкая талия, резко контрастирующая с округлыми, слишком заметными бёдрами и грудью, которую ненавидели одноклассницы. Всё это я прятала под мешковатыми свитерами, грубыми джинсами, бесформенными платьями. Прятала, как преступление.

Бабулины сказки о ведьминой крови, о том, как в нашем роду таких, как мы, жгли за красоту и ум, я всегда старалась гнать прочь. Это чушь. Бред старой, уставшей от жизни женщины. Мне нельзя в это верить. Моя цель проста и ясна, как сталь: выучиться, заработать, вытащить Степу, маму, бабушку из этой трясины. Уехать и никогда не оглядываться.

Но иногда, как сейчас, эти проклятые слова всплывают из глубины, словно ядовитые водоросли. «Патриархат всего мира испокон веков таких, как ты, ненавидит. За то, что не вписываешься в их убогие рамки. За то, что видишь слишком много. За то, что соблазняешь, даже не желая того. Наш род — род страдающих женщин. И ты — одна из них».

Я отворачиваюсь от зеркала. Мне противно. Противно от этой внешности, которая привлекает ненужное внимание, вызывает агрессию. Противно от слабости, которая заставляет верить в сказки о проклятиях, вместо того чтобы чётко думать о деньгах, документах, билетах.

Я не ведьма. Я — Свята Осокина. Девятнадцатилетняя

девчонка из задрипанного Светлогорска, у которой нет ничего, кроме злости, отчаяния и мозгов, которые, как оказалось, всё-таки чего-то стоят.

Из глубокого кармана куртки я достала не телефон, а сложенный вчетверо листок. Распечатка, которую я сделала в районной библиотеке. Уведомление о зачислении.

Московский Институт Регулирования Экономики и Коммерции «МИРЭК». Факультет экономического анализа. Приказ о зачислении № 347-в. Осокина Свята Евгеньевна. Основание: победа в конкурсе «Вертикальный перевод», полный грант (обучение, проживание, стипендия).

Я получила его месяц назад. Дистанционно. Прошла три ада сложнейших экзаменов по ночам, пока в доме спали. Никто не знает.

А началось всё с тихого звонка несколько месяцев назад.

Звонил Иван Петрович, мой старый учитель математики, который вёл нас до восьмого класса, а потом вдруг уволился и стал затворником.

«Свята, — сказал он, не здороваясь. — Ты ещё не окончательно обросла мхом? Есть лазейка. Конкурс «Вертикальный перевод» в МИРЭК. Полный грант. Сделай это. Выберишься. Иначе будешь здесь, как я. Сгниёшь с мозгом, который никому не нужен». Он прислал мне ссылку и тихо положил трубку. Это был его последний урок — урок жестокой надежды.

После школы у меня не было выбора. Ни копейки на

жизнь в Москве. Поэтому я поступила сюда, в унылый светлогорский филиал вуза, на заочное. Училась, работала, выживала. Ум здесь никому не нужен, его здесь боятся. Но он оказался моим единственным билетом. Я подала документы на этот безумный конкурс — шанс перевестись с провинциальной задворки сразу на второй курс столичного института. И прошла. С февраля — я студентка МИРЭК.

В Москве всё другое. Фонды, которые реально помогают. Врачи, которые не разводят руками. И деньги. Огромные, невообразимые деньги. И там, говорят, ценят ум. Там мой мозг может стать не предметом насмешек, а валютой. Моей единственной валютой. Я буду учиться.

Решу вопросы с большими фондами. Двадцать миллионов на операцию и реабилитацию Степы. Эта цифра выжжена у меня в сознании. Всё, что я буду делать там, будет подчинено одной цели — найти эти деньги. Быстрее. Пока ещё не поздно.

Я смотрю в свои глаза в зеркале. В них больше нет слёз. Только холодная, отточенная, как лезвие, решимость.

— Я уезжаю, Степа, — говорю я тихо, но так, чтобы он услышал. — Ненадолго. Чтобы заработать.

Он не понимает. Кивает, доверчиво.

— Привезешь мне конструктор? Новый?

— Привезу, — обещаю я. И это не ложь. — Самый большой. Такой, из которого можно собрать что угодно. Даже новые ноги.

Девочки, встречайте мою новинку! ##

Это особенная для меня история. Мрачная, болезненная, безумная. История Святы, которая вырвалась из одного ада, чтобы попасть в другой. Где её ждут Сава и Демьян — два мажора, два аморальных ублюдка, связанные кровной враждой и желанием сломать её.

Очень хочу, чтобы вы были со мной в этом путешествии! #####

Если аннотация зацепила — сохраняйте пост, ставьте звёздочки. Всё это невероятно помогает продвижению и даёт мне сил писать дальше!

Глава 3 Свята

Москва давила на меня не красотой, а скоростью. От этого рёва машин и вечной спешки сжималось сердце. Я должна привыкнуть. Месяц. От силы два. К лету я буду тут как рыба в воде.

Моя внешность — мой щит. Широкие штаны, грубые ботинки, бесформенный пуховик. Всё, чтобы скрыть фигуру и лицо. Рыжие волосы — в тугую косу, никакого макияжа. Быть невидимкой тут — не проклятие. Это план.

К моему удивлению, всё оказалось не так страшно. Общежитие было чистым, хоть и старым. Моя соседка, Лика, тоже оказалась провинциалкой. Мы быстро подружились. Вечерами её болтовня не давала мне сойти с ума от тоски по дому и страха за Степу. Было... нормально.

МИРЭК возвышался впереди, стеклянно-бетонный клык, впившийся в небо. Дороги вокруг него, конечно, были идеальными — гладкий асфальт, ни соринки.

Но между зданием института и студенческим городком была зона парковки. Вернее, выставка. Выставка машин, названий которых я не знала, но которые всем своим видом кричали о стоимости, превышающей все долги моей семьи за последние сто лет.

Они стояли, низкие, агрессивные или плавные, как хищники, пригревшиеся на зимнем солнце. Я старалась не смот-

реть, ускоряя шаг, чувствуя себя серой мышкой, пробегающей мимо спящих львов.

И тут я её увидела — единственную лужу на всём этом идеальном асфальте. Большую, грязную, растекшуюся от растаявшего снега.

Я уже собралась её перепрыгнуть.

Не успела.

Из-за поворота, из ниоткуда, с рёвом, похожим на рык разъярённого зверя, вырулил чёрный матовый автомобиль. Он был похож не на машину, а на космический корабль — низкий, широкий, без единой блестящей детали, весь — сплошная угроза из будущего. Он пронёсся в сантиметрах от бордюра, и его шины с противным хлопаящим звуком вре-зались в лужу.

Время замедлилось.

Я увидела, как серая жижа вздымается стеной.

Потом ощутила удар — не сильный, а точный, холодный и мерзко-мокрый.

Хлюп.

Всё произошло в долю секунды. Автомобиль уже исчезал на парковке, а я стояла, окаменев. Холодная волна ударила по левому боку с ног до головы. Мой серый пуховик теперь украшало грязно-коричневое полотно, штаны промокли и потемнели насквозь, а по щеке медленно, противно сползала холодная, грязная капля.

Я смотрела вслед чёрному призраку, и внутри всё сжалось

в один тугой, дрожащий узел. Это было оскорбление. Чистое, безличное, абсолютное. Как плевок в лицо от того, кто даже не заметил, что ты есть.

Дверь чёрного матового монстра открылась беззвучно, как в фантастическом фильме. И «он» вышел.

Всё внутри у меня оборвалось и замерло. Не от страха — от невозможности. Невозможности того, что такие люди существуют за пределами глянцевого журналов или экранов. Он был не просто красив. Он был явлением. Идеальная физика, нарушающая все законы провинциальной реальности.

Его волосы — цвет холодного мёда и белого золота, оттенков, который не мог быть натуральным, но выглядел так, будто сама природа потратила века на его создание. Они небрежно падали на высокий лоб, подчёркивая безупречную линию бровей. И кожа... Загорелая, гладкая, будто бархатная, и на ней — татуировки. Но не грубые наколки, а сложные узоры, похожие на схемы микросхем или древние магические символы. Один такой серебристый завиток обвивал сильную шею, другой прятался под обтягивающим рукавом его... одежды.

Одежда. В феврале. На нём были тонкие, почти летние темно-серые штаны, обрисовывающие каждую мышцу, и блестящие черные ботинки без единого намёка на грязь. Сверху — лишь лёгкая, струящаяся чёрная накидка, похожая на куртку, но явно не предназначенная для согрева. Он выглядел так, будто вышел не из машины, а со съёмочной

площадки фильма про далёкое, технологичное будущее, где холода не существует.

Когда он приблизился, я заметила странность. Вернее, несоответствие. Его внешность дышала, выверенной безупречностью — до последнего волоска. Но именно сейчас, вблизи, проступили изъяны.

Тонкая, почти ровная рана на полной нижней губе, похожая на свежий порез. Ссадина на высокой скуле, уже затянувшаяся, но всё ещё заметная. И синяк, уже пожелтевший, притаившийся под глазом, рядом с переносицей.

И самое удивительное — эти следы не портили его. Наоборот. Они придавали ему контраста. И от этого его холодный шик становился только острее, только притягательнее. В нём появилась неуловимая, звериная опасность.

Его взгляд — светло-голубой, почти прозрачный, как лёд — скользнул по моей промокшей, жалкой фигуре. Я почувствовала, как вся кровь приливает к лицу от стыда и неловкости. Он сделал несколько неторопливых шагов в мою сторону. Я замерла, как кролик перед удавом, не в силах пошевелиться.

Он подошёл совсем близко. Так близко, что я почувствовала исходящее от него тепло и уловила лёгкий, холодный, древесно-кожаный аромат. Он был очень высоким, и ему пришлось слегка склониться. На его лице было что-то, что я приняла за мимолётную озабоченность.

— Ты как, в порядке? — голос у него низкий, бархатный,

с лёгкой хрипотцой. — Сильно тебя окатило?

Я открыла рот. Должна была прошептать «ничего», «всё нормально», как меня учили — извиняться, даже когда виноваты не ты. Но звук застрял в горле.

И в этот миг всё изменилось.

То, что я приняла за беспокойство в его ледяных глазах, растаяло, как дым. Вместо неё появилось что-то другое. Быстрое, как вспышка, — скука? Раздражение? А затем — полное, абсолютное, леденящее безразличие.

Он выпрямился, и теперь смотрел на меня не просто сверху вниз, а с высоты какого-то другого, недоступного мне мира. Не было ни злости, ни насмешки. Было ничего. И от этого «ничего» стало в тысячу раз страшнее.

Он вздохнул, лениво, будто ему всё это надоело ещё до начала.

— Ладно, я понял, — произнёс он, не дав мне даже доли секунды, что бы ответить, и в его голосе не было ни капли того мнимого участия. — Сделаю тебе одолжение. Завтра в это же время будь здесь. Я приеду снова. К этому времени хотя бы научись правильно драматизировать. Потренируемся, да?

На его губах появилась ухмылка. Не добрая, не злая. Это был оскал хищника.

И до меня наконец дошло. Он подумал... он решил, что я всё это подстроила? Что я стояла тут, специально ждала, чтобы какой-нибудь богач на дорогой машине обрызгал меня,

как в дешёвом романтическом клише? Мысль была настолько абсурдной, настолько чудовищной, что от неё по спине побежали ледяные мурашки. Какой-то больной. Совершенно больной человек.

Он уже поворачивался, когда у меня вырвалось. Тихий, сдавленный шёпот, полный искреннего, животного ужаса и непонимания:

— Ты... ты больной?

Он замер. Повернул голову. Сначала на его идеальном лице мелькнуло искреннее удивление. А потом... он расхохотался.

Это был не просто смех. Это был громовой, безудержный хохот человека, который никогда в жизни ни перед кем не отчитывался, никого не боялся и для которого весь мир — его личная песочница.

Он смеялся так, как могут смеяться только боги или безумцы, уверенные в своей абсолютной власти.

Когда его хохот стих, он бросил на меня последний взгляд — и в нём уже не было ни капли веселья.

— Завтра здесь. В это же время, — произнес он, четко и жестко.

Потом он развернулся и пошёл к своему чёрному кораблю, оставив меня стоять в полном, оглушающем шоке. От него исходила аура «мне-на-всё-наплевать», что стало физически плохо.

Из его чёрной машины, вышла девушка. Длинные светлые

волосы, безупречное лицо, наряд, от которого веяло другим миром — короткое платье и тонкая курточка, будто на дворе не февраль, а тёплый вечер.

Она даже не посмотрела на меня. Она была красивой. Очень красивой. И не пряталась, а выставляла эту красоту напоказ.

Мне вдруг дико захотелось сфотографировать её на телефон и с сарказмом отправить бабушке: «Смотри, баа, может, и у неё ведьминская кровь. Только она гораздо красивее, даже не сравнимо и она её не скрывает».

Но мысли прервало его движение. Парень подошёл к ней, молча обнял за талию, а потом грубо, почти по-хозяйски, схватил за зад. Она улыбнулась той же безупречной, пустой улыбкой, и они пошли ко входу в институт.

Я стояла, чувствуя, как грязь на штанах застывает ледяной коркой. В этом новом мире была своя иерархия: боги, их красивые спутницы и... всё остальное. Я твёрдо знала, в какую категорию попала.

Внутри институт был ещё страшнее, чем снаружи.

Высоченные белые потолки, холодный свет, блестящий пол, в котором отражались тени спешащих студентов.

Все вокруг говорили быстро, громко, смеялись — и всё это было на каком-то другом языке.

Я шла, стараясь ступать тише, чувствуя, как грязное пятно на штане будто горит, кричит обо мне. «Чужая. Нищая. Случайная».

Тревога сжимала горло. После той дикой сцены с психически больным парнем у машины это ощущение только усилилось.

Мне ещё не удалось найти свою аудиторию, как ко мне подошла женщина в строгом костюме, с планшетом в руках. Её взгляд бегло скользнул по моей куртке, но лицо осталось нейтральным.

— Свята Осокина?

Я кивнула, сердце уйдя в пятки.

— За вами. Срочно к декану Грошеву. Пойдёмте со мной.

Всё. Приехали. Щас скажут, что произошла ошибка. Что мой грант — недоразумение. Что я должна вернуться в свой Светлогорск. Это был кошмар, который я сама себе рисовала каждую ночь. От страха ноги стали ватными, а в голове гудело: «Всё кончено. Ещё даже не началось, а уже всё кончено».

Мы шли по длинному, слишком белому коридору, и я думала только об одном: как я посмотрю в глаза Степе, когда вернусь ни с чем?

Меня провели в кабинет и предложили сесть. Я едва смогла опуститься на краешек кресла, стараясь, чтобы трясущиеся колени не выдали мой ужас. Взяла себя в руки? Нет. Руки лежали на коленях и дрожали.

Декан, Аркадий Львович Грошев, сидел за огромным столом.

Он был немолод, волосы отступали ото лба, а на носу сидели большие очки в чёрной оправе.

Но всё это перечёркивалось его одеждой. На нём была ярко-оранжевая рубашка и широкий галстук ядовито-зелёного цвета в крупный горох.

Это было так неожиданно, так выбивалось из строгой картинки института, что на секунду я отвлеклась от своего страха. Просто уставилась на этот галстук.

— Здравствуйте, — сказала я, и голос прозвучал чужим.

— Здравствуйте, здравствуйте, Свята Евгеньевна, — ответил он, не поднимая глаз от своего ноутбука. Я узнала модель, последний MacBook.

Внутри всё замерло. Сейчас. Сейчас он скажет.

Но он не сказал. Он задумчиво хмыкнул, провёл пальцем по тачпаду, и на его лице появилось что-то вроде изумления.

— Потрясающие результаты, Свята Евгеньевна, — произнёс он наконец, глядя на экран. — Потрясающие.

Он замолчал, снял очки, протёр их краем своей нелепой рубашки и снова надел, уже глядя прямо на меня. Его взгляд стал острым, изучающим.

Он понизил голос, и в нём зазвучали странные, непривычные для слуха ноты — не начальственные, а почти... заговорщицкие.

— Честно говоря, таких результатов, — он сделал паузу, — на моей памяти лет двадцать не было. Если вообще были.

Он замолчал снова. Не отворачивался, не смотрел в бумаги. Он просто смотрел на меня. Молча. Как будто ждал, что я сейчас сделаю что-то необычное. Распущу рыжую косу? За-

говорю на латыни? Исчезну?

Я сидела, застыв, не в силах пошевелинуться или вымолвить слово. На моём лице, я знала, читалось только одно — животный страх. Страх, что за этой похвалой последует «но». Что щас он улыбнётся и произнесёт приговор.

Он всё смотрел. А я ждала удара.

Атмосфера в кабинете сгустилась, стала почти конспирологической.

— Вы нам очень нужны, Свята Евгеньевна, — вдруг произнёс он, понизив голос до шёпота. Слова прозвучали так, будто он посвящал меня в государственную тайну. — Вы даже не представляете, как сильно.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине. Это было не то, чего я ожидала. Совсем не то.

— Нужна? — выдохнула я, не в силах скрыть полное непонимание.

Он кивнул, серьёзный и сосредоточенный.

— Да. Именно. Нужны. Видите ли, — он откашлялся и развёл руками, указывая на стены, за которыми кипела жизнь института. — Место, конечно, престижное. Учат детей... очень влиятельных людей. Будущих хозяев жизни. Но среди них, — он сделал многозначительную паузу, — катастрофически не хватает просто... нормальных студентов. Точнее, ответственных. Способных навести элементарный порядок.

Он наклонился вперёд, и его яркий галстук словно вспых-

нул.

— Нам нужен человек, который возьмёт на себя роль старосты. Не для галочки. Для реального контроля. Кто сможет следить, управлять, приводить в чувство. Кому можно доверить... координацию этого молодого, но очень своевольного коллектива. У всех остальных руки не доходят, или просто... лень и нет интереса. А здесь нужна твёрдая рука. И ядрёный ум.

Я слушала, и чувство облегчения, что меня не выгоняют, медленно тонуло в новой, ледяной волне разочарования. Староста? Я приехала сюда, чтобы выжить, выучиться и заработать, а не быть нянькой для сброда мажоров. Я не планировала высовываться, а меня сразу назначают надсмотрщиком над теми, от кого я хотела бы держаться подальше.

Конечно. Мои знания, мой результат — это ведь не просто так. Этот грант. За всё нужно платить. Просто я думала, платой будет тяжёлая учёба. А оказалось — вот этим. Ответственностью за тех, кто наверняка презирает таких, как я, с первого взгляда.

Я не была в восторге. Восторга не было и близко. Была горечь и чёткое понимание: отказаться — значит показать слабость. А слабых здесь, в этом новом мире, наверняка съедают первыми.

Я вышла из кабинета декана. День только начался, а я чувствовала себя выжатой. В голове, вместо чёткого плана на первый учебный день, бушевала каша из обрывков: «старо-

ста», «контроль», «грязь на штанах», «холодные глаза того психа», «потрясающие результаты».

Сделать шаг по этому сияющему, чужому коридору было физически тяжело. Я потянула глубже капюшон куртки, хотя было и так душно, и просто стояла, пытаюсь перевести дух.

— Свята! А ты чего тут торчишь?

Голос был знакомым, лёгким, с улыбкой. Я обернулась. Это была Лика, моя соседка по общежитию. На её круглом, веснушчатом лице читалось искреннее беспокойство, смешанное с облегчением, что нашла меня.

Увидев её, что-то внутри дрогнуло и ослабло. Не то чтобы я ей сразу могла всё выложить — нет. Но её присутствие было якорем в этом шторме. Она была своим. Таким же чужаком, но уже успевшим немного обжиться. И самое главное — она была нормальной.

— Просто... инструктаж прошла. — выдавила я из себя, пытаюсь улыбнуться. Получилось криво.

Лика оценивающе посмотрела на моё лицо, на мою все ещё напряжённую позу.

— Инструктаж, говоришь? — фыркнула она, подходя ближе и понижая голос. — По тебе видно, что тебя не инструктировали, а через мясорубку пропустили. Пошли, я тебе покажу, где кофе автомат есть. Самый дешёвый, зато греет. Или ты уже влилась в местную элиту и теперь только капучино пьёшь?

Её болтовня, её простые, земные заботы о кофе и поиске

аудитории стали тем самым спасательным кругом. Я слабо кивнула.

— Давай. Только... обычный. Самый обычный. И расскажи, что вообще происходит и куда идти. У меня в голове пока пусто.

Мы пошли вдоль коридора, и я позволила ей вести меня, слушая её быстрый, обнадёживающий лепет. Пока она говорила о расписании, строгой лаборантке и вкусных булках в столовой по средам, мир вокруг начал понемногу обретать хоть какие-то понятные очертания.

Мы стояли с нашими бумажными стаканчиками дешёвого кофе, и Лика что-то быстро и весело рассказывала про первого преподавателя, как вдруг по коридору пронёсся странный гул.

Шёпот, смешки, приглушённые возгласы — и все головы, как по команде, повернулись к центральному входу в холл. Даже Лика замолчала на полуслове и привстала на цыпочки.

— О, боже, — выдохнула она, и в её голосе было не просто любопытство, а чистейшее, почти благоговейное восхищение. — И он здесь.

Я машинально посмотрела туда же, куда уставились все. И замерла.

Он шёл не один. Его окружала небольшая свита из таких же уверенных, крепких парней, но они были всего лишь фоном, тенью. Он был центром вселенной в этот момент. И он был полной противоположностью тому блондину у машины.

Если тот был холодным, выточенным из льда и мрамора богом, то этот... этот был силой. Грубой, животной, подавляющей.

Высоченный, на голову выше большинства в толпе, с невероятно широкими плечами, которые растягивали ткань чёрной футболки. Он был брюнетом, волосы коротко, почти под ноль, выстрижены, открывая сильный, чёткий череп и загорелую кожу.

На шее и на мощных, рельефных руках, выходящих из коротких рукавов, темнели татуировки — не геометричные узоры, а что-то более мрачное и хаотичное.

Я невольно проследила взглядом за его движением, и мой взгляд — к собственному ужасу и неловкости — зацепился ниже талии. Чёрные брюки, обтягивающие бёдра, буквально напрягались под тяжестью его мускулатуры, очерчивая каждую выпуклость на ногах.

Казалось, ещё немного — и ткань не выдержит.

А между ног... Там была другая выпуклость. Массивная, отчётливая, не скрываемая ничем. Она лежала тяжёлым, мощным изгибом, спускаясь к внутренней части бедра, и её размеры казались просто гигантскими, неправдоподобными, словно там был спрятан не орган, а какое-то оружие, змей из плоти и мышц.

Меня бросило в жар от внезапного, дикого стыда.

Я отвела глаза, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Но отвести было уже поздно — картинка впечаталась.

И самое шокирующее было не в этом. А в том, что ему, видимо, было совершенно плевать. Он сознательно носил такую одежду, подчеркивающую каждую мышцу и... это.

Ему было всё равно, кто и что увидит. Это была ещё одна форма его бесстыдной, подавляющей уверенности.

Он шёл, выставляя напоказ не просто силу, а сырую, животную мощь во всём её проявлении, и бросал этим вызов всему вокруг. От этого становилось не по себе и... униЗИтельно жарко одновременно.

Когда он повернул голову, чтобы что-то бросить одному из своих, я увидел лицо. Резкое, скуластое, с тяжёлым подбородком.

И одну деталь, которая ломала симметрию и делала его ещё опаснее: над одним глазом, сквозь короткую бровь, шла тонкая, белая линия шрама. Или, может, он так выбривал бровь. Но выглядело это так, будто кто-то когда-то попытался его раскроить, и ему это только добавило лютой харизмы.

На его лице не было ни улыбки, ни интереса к толпе. Было скучающее, почти ленивое превосходство.

— Это Демьян Чернов, — прошептала Лика, не отрывая от него глаз.

Глава 4 Свята

После пар у меня в голове стоял гул.

Профессора говорили так быстро, будто я должна была уже всё знать.

Ли́ка потянула меня за рукав:

— Пойдем. Пока все голодные звери не сожрали всё, что можно.

Столовая МИРЭК оказалась непохожей на нашу школьную. Это было больше похоже на фуд-корт в дорогом торговом центре. Стекло, хром, приглушённый свет. Пахло не дежурными котлетами, а свежей выпечкой, кофе и чем-то пряным. Стойки с салатами, вок, пастой, стейками... Цены заставляли сердце сжиматься. Мы с Ликой, как сговорившись, потопали к самому скромному уголку — где продавали компот, сосиски в тесте и простые булочки с повидлом. Наш бюджет.

Едва мы уселись за маленький столик у окна, к нам подкатила девушка. Высокая, с чёрными волосами и фиолетовой прядью, в толстовке дорогого бренда.

— Места свободны? — без церемоний спросила она, ставя на стол поднос. На нём красовался здоровенный бургер и стакан с чем-то зелёным и густым.

— Кать! — обрадовалась Ли́ка. — Это моя двоюродная сестра, на третьем курсе. Катя, это Свята, моя соседка и...

наша новая староста. Её только что Грошев под венец повёл.

— Офигеть, — протянула Катя, с интересом разглядывая меня. — Серьёзно? Ну, соболезную, значит. Привет, жертва системы.

— Привет, — пробормотала я, отламывая кусок булочки.

— Она ещё и в тему сегодня попала, — Лика понизила голос, делая значительные глаза. — Видела утреннее шоу в холле. С нашим... ну, чёрным танком.

Катя откусила от бургера, кивнула, не проявляя удивления.

— А, Демон отметился. Ну, поздравляю с двойным посвящением. Теперь ты и староста, и видела одного из местных богов.

— Демон? — переспросила я, запивая сухую булку компотом.

— Демьян Чернов. Или Демон Черный. Все его так зовут. Ну, кроме тех, кто боится. А бояться тут, между нами, есть чего.

— И красивый он как греческий бог, — добавила Катя, понизив голос до конспиративного шёпота. — И тело... Говорят, у него там, внизу, больше двадцати сантиметров. Серьёзно.

От этой откровенности меня бросило в жар. Щёки тут же предательски запылали, и я потупила взгляд в свой стакан, стараясь скрыть смущение. В голове, против воли, всплыло то самое... выпуклое... впечатление от утра. Голос у меня

слегка дрогнул.

— Ну да... красивый, — буркнула я, снова отламывая кусок булочки, чтобы было чем занять руки. — Ничего особенного. Просто ходит и любит себя. Наверное, зеркало с собой таскает.

Катя и Лика переглянулись, но не засмеялись. В их взглядах промелькнуло что-то вроде лёгкой тревоги. Словно я шутку про бога произнесла.

В этот момент мимо нашего столика прошла девушка. Высокая, в коротком платье, которое никак не сочеталось с февралём за окном. У неё было каре иссиня-чёрного цвета, и она смотрела прямо перед собой таким высокомерным взглядом, будто мы были частью интерьера.

— Видишь эту? — Катя почти не шевеля губами, кивнула ей вслед. — Пять раз уже перекрашивалась.

— Перекрашивалась? — не поняла я. — В каком смысле? Катя закатила глаза, но скорее с усталостью, чем со злостью. Она наклонилась через стол.

— Перекрашивала волосы свои, гений... Демон, то есть Чернов, спит только с брюнетками. Только чёрный цвет, никаких полутонов. А второй наш король, Сава Зимин, только с блондинками. Ледяной блонд. Вот девочки и перекрашиваются. В зависимости от того, кто из пацанов в данный момент... ну, открыт для предложений. Эта, уже пять раз с цвета на цвет переключилась.

Я сидела с булкой в руке и чувствовала, как мозг отказы-

вается переваривать информацию.

— То есть... они что, по очереди с ней... — я не смогла договорить.

— Ага, — коротко кивнула Катя, отпивая из своего стакана. Её взгляд стал каким-то отстранённым. — Только не в один день, конечно. Это было бы уже слишком даже для них. Но в принципе... да.

Я молчала. Шок был настолько полным, что даже не пришло чувство брезгливости. Было какое-то оцепенение. Я посмотрела вслед той девушке с чёрным каре. Она теперь казалась не просто высокомерной. Она казалась... потрёпанной. Как дорогая кукла, которую перекрашивали раз за разом, не спрашивая, какой цвет ей нравится.

— Я не понимаю, — вырвалось у меня, и голос прозвучал глупо даже в моих ушах. — В чём вообще прикол быть с ними? Зачем подстраиваться под их дурацкие и унижительные правила?

Катя фыркнула, но уже без смеха. Её взгляд стал циничным, почти профессиональным.

— Прикол, детка, в другом. Переспать с одним из этих «богов», это как побывать в раю, — Катя сделала томный взгляд, явно наслаждаясь своим рассказом. — А главное, они пипец как щедрые.

Она оглянулась и снова кивнула в сторону девушки с чёрным каре.

— Вот видишь ту? Она была и с Савой, и с Демьяном.

Подстраивалась, красилась... Волосы, говорят, чуть не выпадали от всей этой химии. Но зато все подарки, что ей дарили, айфоны, сумки, украшения, она продала. И теперь в институт на своей тачке приезжает. Новая.

Катя перевела взгляд на другую девушку, высокую блондинку у кофейного автомата.

— А той повезло больше. Всего три раза перекрашивалась. Сначала была со Снегом, потом, с Демоном, потом опять вернулась к Зимину. И он ей в итоге прямо ключи от машины вручил. Просто так. Не «одолжил покататься», а подарил. Вот так вот. Для них это, как нам шоколадку купить.

Лица хихикнула, но смешок звучал нервно. А я почувствовала, как по спине пробегает холодок отвращения.

— Это же ужас какой-то, — прошептала я. — Мерзко. Я бы никогда...

— Да ладно тебе, — перебила Лица, но без злости, а с какой-то завистью и обидой одновременно. — Тебя не спросят. Они выбирают не всех. Ты думаешь, любая дурочка с покрашенными волосами может к ним попасть? Нет. Ты должна понравиться. Должна быть... особенной.

Катя нахмурилась, и её лицо на секунду стало уязвимым, без привычной насмешливой маски.

— Я, вот, пыталась, — сказала она тихо, глядя в стакан. — Пыталась стать их типажом. И блондинкой была, и в чёрный красилась. Без толку. Не в их вкусе, видимо. Даже в расходный материал не взяли.

Она произнесла это так просто, что стало ещё страшнее. В её голосе не было злости на них — была злость на себя. За то, что не дотянула. За то, что её даже не сочли достойной быть этой... одноразовой вещью с дорогим подарком.

Я сидела, пытаюсь это осмыслить. Мир вокруг, с его стеклянными стенами и запахом дорогого кофе, вдруг прогнулся, показав свою гнилую, уродливую изнанку. Здесь не просто учились. Здесь торговали. Собой. За айфоны. И самое чудовищное — некоторые сами рвались в эту торговлю, а другие, вроде Кати, страдали от того, что их даже не выбрали на аукцион.

Катя оживилась, её глаза заблестели азартом сплетницы.
— А те, кого они трахают, те сразу на вершине! Все на них смотрят, все им завидуют. Становятся эталоном, кого стоит хотеть. Ну, на пару недель. Пока король не переспит со следующей.

Я не могла сдержать кривой усмешки.

— Я, наверное, никогда в жизни не пойму этого, — выпалила я честно. — Это просто... омерзительно.

В этот момент мимо прошла та самая девушка с утра, которая вышла из машины психа — с длинными, идеально уложенными волосами цвета холодного льда.

— Видишь, — Катя кивнула в её сторону, голос стал скользким, интимным. — Это Юлия. Вот сейчас она, королевская тёлка. Пришлось из русого перекраситься в этот стерильный блонд, чтобы Сава её трахал. Наш «снежный ко-

роль».

Я смотрела на Юлю, на её безупречную, пустую улыбку, и меня передёрнуло от брезгливости.

— Но он, — Катя сделала паузу для драматизма, — ни одну бабу больше двух недель не держит. Так что скоро этой красотке, скорее всего, придётся свои шикарные волосы загубить и перекраситься в чёрный. Если, конечно, захочет, чтобы её теперь Демон ебал. Точнее если Демон согласится, она должна к нему подойти уже перекрашенной, и он тогда решит, брать или ни брать.

И тут до меня наконец дошло. Мозг с щелчком сложил пазл.

— Стойте... — медленно выговорила я. — Второй король... блондин? На чёрной машине?

Лика и Катя переглянулись, а потом уставились на меня.

— Ты что, его уже видела? — выдохнула Катя.

— Видела, — кивнула я, и внутри всё сжалось в ледяной комок. — Сегодня утром. Он... обкатил меня из лужи. Псих.

Лика аж подпрыгнула на стуле, её глаза загорелись нездоровым блеском.

— Офигеть, Свят! Тебе прям повезло!

В её голосе не было ни капли сочувствия. Только болезненное, возбуждённое восхищение.

Я смотрела на их разгорячённые лица и чувствовала, как реальность раскалывается. В этом мире быть облитой из лужи, богатым ублюдком — это «повезло». Я попала не в ин-

ститут. Я попала в сумасшедший дом. Кажется.

— И что, он? — спросила Лика, всё ещё с этим идиотским блеском в глазах.

— Он вышел, и начал нести какой-то бред. Намекал, что я, типа, специально тут стояла, чтобы он меня обрызгал...

— Здесь ничего удивительного, — пожала плечами Катя. — Знаешь, сколько девушек специально подстраиваются, чтобы он их хоть краем глаза заметил? Стоят где надо, падают «случайно», теряют что-нибудь. Для него это обычный день. Поэтому и подумал. Твоя ошибка лишь в том, что ты просто стояла возле этой лужи и не вовремя. Или же все таки ждала?

Она отхлебнула своего зелёного смузи, и её лицо снова стало циничным.

— Да забей. С такими, как мы, они всё равно не спят. — она горько усмехнулась.

Во мне вскипело что-то. Не обида, а дикая брезгливость.

— Подождите, а как это вообще... нормально? — не удержалась я. — Сначала она с одним, потом её перекрашивают, и она уже с другим. Разве эти парни потом... ну, не брезгуют?

Девчонки снова переглянулись. На этот раз в их взгляде было что-то серьёзное, почти пугающее. Катя наклонилась ко мне через стол, и её шёпот стал едва слышным.

— Ты не понимаешь. У Демона и Снега... скажем так, особые отношения.

Я почувствовала, как брови сами поползли вверх.

— Особые? Они что, того... — я неловко жестом показала между ними.

Катя и Лика фыркнули почти одновременно.

— Какие геи, ты что! Они перетрахали полинститута самых отборных девок! Нет. — Катя снова понизила голос. — У них лютная, смертельная ненависть. Наследственная. Их отцы чуть не убили друг друга в девяностых. Говорят, дело было в разделе бизнеса... и в крови. Сейчас у них самих уже несколько раз были покушения. Один другому ломал рёбра, второй в ответ чуть не перерезал горло. Их бы уже давно по тюрьмам развезли, но их отцы, те ещё монстры. Всегда вытасчат, отмажут, спрячут концы.

Я сидела, не в силах пошевелиться. Моя булка так и застыла на полпути ко рту.

— И сейчас у них... нейтралитет, — продолжила Катя. — Дней пять, договорились друг друга не замечать. Потому что если этот нейтралитет сорвётся... — она сделала паузу для драматизма, — начнётся война. А если у них война, они реально могут друг друга прикончить. И всем вокруг, кто попадётся под руку, тоже мало не покажется. Начнётся мясо.

У меня челюсть отвисла. Буквально. Я закрыла рот, чувствуя, как комок булки застрял в горле.

Катя наклонилась ещё ближе, её голос стал тихим.

— Нейтралитет, это их правило. Их единственное правило, которое они хоть как-то соблюдают. Сейчас, например, у них пятидневный. Это значит, что пять дней они офици-

ально друг для друга не существуют. Могут быть на одной вечеринке, стоять в трёх метрах, дышать одним воздухом, и делать вид, что между ними пустота. Не смотрят, не заговаривают, не провоцируют. Вообще.

Она достала телефон, быстро пролистала и показала мне фото. Размытый кадр с какой-то тусовки: в одном углу Сава, обнимающий по обе стороны двух абсолютно одинаковых блондинок-близняшек. Они прижимались к нему с довольными, сияющими улыбками, будто выиграли в лотерею. А он смотрел поверх их голов с тем же ледяным, отстранённым выражением, что и утром.

В другом углу кадра — Демьян, окружённый своими ребятами. Рядом с ним, чуть впереди, стояла высокая брюнетка, положившая руку ему на бицепс, но он, казалось, этого даже не замечал.

Между ними — буквально пара шагов. Они были на одном кадре, но их взгляды были направлены в противоположные стороны.

Я тут же узнала блондина. Тот же самый. Сава. Тот самый циничный, ледяной взгляд. Но он был в другой одежде — чёрной безрукавке, которая открывала мощные, забитые табуировками руки. Волосы чуть короче, чем сегодня утром, лицо более загорелое, будто он только с какого-то курорта вернулся.

— Видишь? Это было прошлым летом. Восьмидневный нейтралитет. Они так и простояли весь вечер. Ни слова, ни

взгляда. Потому что если бы один из них хотя бы хмыкнул в сторону другого, всё, конец. Нейтралитет сорван. И тогда начинается та самая война. Со сломанными костями, со сводками из травмпункта, с внезапно загоревшимися машинами. А нарушить его, самый страшный проступок в их войне.

Я смотрела на фото, и меня пробирала дрожь.

— И сейчас у них опять этот... нейтралитет? — спросила я, чувствуя, как холодеют пальцы.

— Да. Начался вчера. Говорят пятидневный. Значит, до пятницы они, тени друг для друга. Могут пройти мимо в коридоре, плечом к плечу, и даже дыхание не собьётся. Потому что иначе... — Катя сделала многозначительную паузу. — Иначе мы все тут в этой столовой можем стать свидетелями того, как один из местных королей попытается вскрыть другому глотку вилкой для салата. А их охрана — добить дело. Так что давай, Свят, надеяться, что их нейтралитет никто не нарушит. Потому что если это случится, хуже будет всем. Но в первую очередь, тому, кто окажется между ними.

Катя переключила фото. Теперь на экране был не чёткий кадр, а трясущееся, тёмное видео, снятое кем-то на телефон. Ночь, тусклый свет фонаря, мокрый асфальт.

— А вот это, — её голос стал совсем плоским, — если нейтралитет ещё не объявлён. Или если его только что нарушили.

Мой пульс тут же ударил в виски, забился где-то в горле, мешая дышать.

На экране двое. Сава и Демьян. Но это были не те безупречные, холодные парни. Это были звери. Майки на них порваны, на тёмной ткани выделялись пятна, которые в этом свете могли быть только кровью. Они двигались с такой жестокостью, животной силой, какой я никогда не видела. Это была не драка на ринге, с правилами и гонгом. Это была бойня.

Сава, быстрый и яростный, как рассвирепевший барс, пробил серию ударов в корпус Демьяна. Тот, более массивный и высокий, принял их, лишь подавшись корпусом, и ответил коротким, страшным ударом снизу в челюсть. Звуча не было, но по тому, как резко дернулась голова Савы, я почувствовала этот удар собственными зубами.

Потом Сава, воспользовавшись моментом, резко забрался на Демьяна, обвинив его ногами, как удав. Демьян, заревев беззвучно, попытался скинуть его, но Сава уже выхватил из-за пояса что-то блестящее и короткое. Металлический прут. Или огромный гвоздь.

В его глазах, диких и безумных, не было ничего человеческого. Только лютый, слепой экстаз ненависти. Он занёс эту штуку над лицом Демьяна, который, широко раскрыв глаза, пытался вывернуться. Цель была очевидна — глаз.

Видео резко оборвалось, превратившись в чёрный экран. Меня дёрнуло. Я отшатнулась от стола, и комок булки, который я так и не проглотила, подкатил к горлу. В ушах зазвенело.

— Выключи... — прохрипела я, отворачиваясь.

Это было слишком. Слишком близко к сердцу, к животному страху, который сидит где-то в глубине. Это не было кино. Это была реальная попытка «выколоть глаз». Смертельная, неконтролируемая ярость, от которой стало физически дурно.

Я сидела, глотая воздух, а перед глазами всё ещё стояли их лица — искажённые чистой, нечеловеческой ненавистью. Это была не вражда. Это была «болезнь». И они были её разными носителями.

Я сидела, всё ещё чувствуя во рту привкус тошноты, и не могла отделаться от картинки с тем прутком. Голос прозвучал глухо, как будто не мой:

— Зачем... как их родители вообще допустили, чтобы они учились в одном месте? В одном городе? Их нужно... в разных странах держать. На разных континентах.

Девчонки грустно выдохнули, почти синхронно. Лица фыркнули, но уже без смеха.

— У богатейших свои причуды, нам не понять. Их отцы ведь такие же. Просто старые уже, драться не могут, — она попыталась съязвить, но получилось жалко.

— Не в этом дело, — поправила её Катя, убирая телефон. — У их отцовособняки находятся на одной закрытой территории. Они соседи. Бизнесы у них... ну, не одинаковые, но переплетённые. Конкурируют, но и друг без друга тоже никуда. Им, видите ли, так проще.

Она сделала паузу, собирая мысли.

— Пока они вместе, на виду, их проще контролировать. Отец одного всегда знает, где находится сын другого. И наоборот. Это как... взаимное гарантированное уничтожение. Если один что-то сделает с другим, ответка придёт моментально и по полной. Поэтому они так и живут. Вместе. Ненавидя друг друга. А здесь, в институте... — Катя махнула рукой вокруг, — ...они просто выпускают пар. Периодически. Чтобы не взорвалось что-то посерьёзнее, чем пара сломанных рёбер и выбитых зубов. Так безопаснее для всех. Ну, кроме тех, кто случайно окажется рядом.

Я слушала, и мир окончательно перевернулся. Это была не спонтанная ненависть. Это была «система». Тщательно спланированная, унаследованная, контролируемая взрослыми монстрами.

Их держали вместе не из глупости, а из холодного, циничного расчёта. Как двух скорпионов в одной банке, которых кормят, чтобы они жалили друг друга, а не разбежались и не начали жалить кого-то еще ну или всех подряд.

Катя пристально посмотрела на меня, и в её глазах исчезла всякая шутливость. Взгляд стал серьёзным, почти предупредительным.

— Так что мой тебе совет. На всякий случай. Раз уж ты теперь староста... Если вдруг, по какой-то херово сложившейся случайности, тебя окажется рядом с Демьяном Черновым, забудь нафиг такие слова, как «Снег» или «Сава Зимин». Вытри их из памяти, как страшный сон. А если, не

дай бог, потянет тебя к «снежному королю», выжги из мозга слова «Демон чёрный» и «Демьян Чернов». Это не просто триггеры для них. Это... коды доступа. Коды к чистой, неразведённой ярости. К бешенству, после которого мало не покажется никому. Особенно, случайно оказавшейся рядом серой мышке.

История родителей Савы Зимина, там скоро финал, она бесплатная и еще одна из самых обсуждаемых моих книг

Анотация

- Мы разводимся. Окончательно.

Всего две фразы — и 26 лет брака превращаются в пепел.

Назар Зимин — мужчина, от которого дрожат женщины. Холодный, властный, беспощадный. Его слово — закон. И теперь его решение не обсуждается: "У меня другая".

Я не верю. Как? Почему? Вчера он прижимал меня к себе в темноте, шептал "снежиночка", а сегодня смотрит ледяным взглядом и говорит: "Ты выглядишь жалко".

Но почему тогда его руки так крепко держат, будто не в силах отпустить?

И кто она — эта женщина, ради которой он готов разрушить все, что у нас было?

После 26 лет брака, троих взрослых детей и двух внуков мой муж выбрал другую. Мы будто "изжили" друг друга — хотя я готова дышать им снова и снова, даже в тысячах жиз-

ней. Ведь он тоже любил меня так же сильно, как и я его...

Но теперь он говорит, что мы "останемся семьей". Что будет заботиться обо мне. Что наши дети и внуки не должны страдать.

Как смотреть в глаза детям?

Как объяснить внукам, что дедушка теперь не с бабушкой а с другой женщиной?

Читайте тут: <https://litnet.com/shrt/kB92>

Глава 5 Свята

Декан Грошев вызвал меня и вручил свой личный планшет.

— Свята Евгеньевна, здесь форма для подписи. Все выпускники, кто допущен к защите диплома на сцене в главном зале, должны её подписать. Подтверждение участия и согласие на технические моменты. Через неделю мероприятие, нужно, чтобы к пятнице все уже расписались.

Это была огромная ответственность.

Следующие пару дней я ловила старшекурсников. Сначала было страшно подходить. Но оказалось — зря боялась.

Я подходила, показывала планшет, говорила: «Нужна подпись для допуска к защите». Они почти не смотрели на меня. Брели стилус, быстро чиркали в нужном поле — тык-тык — и всё. Даже не читали. Не спрашивали. Их лица выражали лишь одно: «Поставлю и отстань. У меня дела поважнее».

Их безразличие было почти обидным, но и... облегчающим. Они не видели во мне угрозы, человека, старосту. Я была досадной формальностью.

В списке на экране планшета фамилии. Я пролистывала их, ставя галочки напротив тех, кто уже расписался. И вот он — «Чернов Д.А.». А чуть ниже, через несколько строк — «Зимин С.Н.».

Конечно. Они же старшекурсники. У них последний курс.

Им тоже нужно выходить на ту самую сцену, защищать дипломы перед всей этой парадной публикой. Значит, и их подписи нужны. Обязательно.

От одной этой мысли внутри всё похолодело и сжалось в тугую, болезненный комок. Подойти к нему. К Демьяну Чернову. Заставить его взять стилус и поставить закорючку. А потом — к нему. К Саве Зимину. Сделать то же самое.

Перед глазами, против воли, всплыло то ночное, трясущееся видео. Не драка — бойня. Их лица, искажённые нечеловеческой ненавистью. Попытка выколоть глаз. Это были не студенты, которым нужна подпись для допуска. Это были звери в человеческой коже, связанные каким-то древним, смертельным проклятием.

Сегодня я была вымотана до предела. Ноги гудели, глаза слипались. Я шла по длинному, почти пустому коридору старшего корпуса, не глядя по сторонам, просто переставляя ноги.

И тут я увидела. Сначала не поверила.

В конце коридора, у большого окна, стоял Демьян Чернов. Чернов огромный. Не просто высокий — массивный. Вся эта мышечная масса подчёркивалась обтягивающей чёрной водолазкой. И черными джинсовыми брюками.

Меня дёрнуло. Страх — острый и мгновенный. Но следом за ним — решение.

Нужно было сделать это сейчас. Пока он один. Пока он, возможно, так же, как и все остальные, захочет поскорее от

меня отделаться.

Я не думала. Просто ускорила шаг, почти побежав по скользкому полу в его сторону. Планшет сжимала так, что пальцы побелели.

Рывок вперёд оказался роковым. Коридорный линолеум, натёртый до скользкого блеска, сыграл со мной злую шутку. Подошва грубого ботинка поехала. Отчаянный взмах руками, планшет едва не вылетел, и резкий рывок в сторону — прямо в его направлении.

Упасть не упала. Чудом удержала равновесие, впившись взглядом в пол. Но его взгляд чувствовала кожей — тяжёлый, изучающий. Он заметил этот нелепый спринт и почти падение.

Замерла, подняла голову. Он стоял, и смотрел. Не сквозь меня, как все остальные, а на меня. Его взгляд медленно, с непонятным мне выражением, скользнул сверху вниз. От моего лица к моей бесформенной рубашке, скрывающей всё, что можно скрыть, к широким, безразмерным штанам.

А потом его глаза вернулись к моему лицу. И задержались на волосах. На этих рыжих, слишком ярких, слишком заметных прядях, выбивавшихся из жёсткого конского хвоста. Он смотрел так долго, что у меня по спине побежали мурашки. Никто никогда не смотрел на мой цвет волос с таким... интересом.

Я полностью растерялась. Голос отказал.

— П-привет... — выдохнула я.

Звучало это жалко, глупо и нелепо. Я поняла это по лёгкому, едва уловимому движению его брови. Он не сказал ни слова. Просто ждал. А я стояла перед ним, как полная идиотка.

Не дав ему шанса что-то сказать — да он, впрочем, и не собирался. Я затараторила, тыча пальцем в экран, лишь бы поскорее закончить этот кошмар.

— Вам нужно поставить подпись вот здесь, все уже поставили. Заполняем заявку на допуск к защите. Остались буквально последние, — проговорила я на одном вдохе, смутно осознавая, что только к нему обратилась на «вы».

Я пролистнула список до его фамилии, потом — дальше, и указала на следующую строку. На имя, которое стало для меня в эту секунду настоящим проклятием.

— И... — голос мой на секунду сорвался. Я посмотрела на фамилию, и в голове с оглушительной ясностью всплыло предостережение Кати: «Забудь такие слова, как «Снег» или «Сава Зимин»... Это коды доступа к чистой ярости».

Я замерла, не в силах выговорить её. Мой взгляд, полный неподдельного ужаса, сам собой поднялся с планшета и уткнулся в его лицо.

— И... Зи... — я сглотнула комок, вставший в горле, и не смогла договорить.

И в этот миг я увидела изменение в его глазах.

Тот отстранённый, холодный интерес сменился чем-то

другим. Глаза, тёмные, почти чёрные, сузились.

Он видел мой панический ступор. Видел, как я, бубнящая что-то несвязное, вдруг окаменела на полуслове.

Демьян медленно наклонил голову набок, не отрывая от меня взгляда.

И я, загипнотизированная его взглядом, в этой леденящей тишине, не смогла остановиться. Словно кто-то другой говорил моим ртом, тихо, чётко, обречённо:

— ...Зимин.

Фамилия повисла в воздухе между нами, как приговор.

Сама от себя была в шоке. Произнесла её. Вслух. При нём. Назвала имя его заклятого врага, того, кого он ненавидел лютой, смертельной ненавистью. Нарушила первое и главное негласное правило.

Застыла, ожидая взрыва. Апокалипсиса. Хотя чего-то, что покажет, какую чудовищную ошибку только что совершила. Сердце колотилось так, что, казалось, он слышит его стук.

Но... ничего не произошло.

Он просто протянул руку — большую, с чёткими сухожилиями и тёмными узорами татуировок — и забрал у меня планшет. Спокойно, почти равнодушно. Потом взял стилус. В его движениях не было ни агрессии, ни спешки.

— Ты кто? — спросил он.

Голос был низким. Не просто тихим, а идущим из самой глубины груди, с лёгкой, естественной хрипотцой, которая обволакивала, как густой дым. Он не повышал тона, но каж-

дое слово вибрировало в воздухе, и я почувствовала, как эта вибрация проходит сквозь меня, вызывая мурашки по коже. Он был так высок, что мне пришлось запрокинуть голову, и от этого я почувствовала себя ещё меньше, ещё беззащитнее. Я буквально терялась в его тени.

Вопрос застал меня врасплох. Никто из тех, к кому я подходила, не спрашивал, кто я. Я была просто приложением к планшету.

— Я... я староста, — залепетала. — Первый курс. Мне... декан Грошев поручил. Нужны подписи для допуска. Все уже поставили. Остались... ну, вы и... — я снова запнулась, боясь произнести вторую фамилию, и закончила сдавленно: — ...остальные.

Я говорила так быстро и сбивчиво, что, кажется, даже он слегка нахмурился, будто пытаюсь разобрать невнятную речь.

Он молча посмотрел на меня ещё секунду, эти тёмные глаза будто сканировали меня. Потом просто кивнул.

Он наклонился к планшету, нашёл нужное поле и поставил свою подпись — один резкий, уверенный росчерк. Затем так же спокойно вернул планшет мне в руки.

— Спасибо! — выпалила я и, не глядя, выхватила планшет и стилус из его рук.

Лишь на долю секунды я осмелилась поднять глаза. И отметила — он чертовски красив. Лицо с резкими, почти античными чертами. А бровь... да, не выбрита. Это был тон-

кий, белый шрам, и у меня не осталось сомнений, кем он оставлен.

Я развернулась и почти побежала, не оглядываясь, пока не свернула за угол. Там я прислонилась к холодной стене, пытаюсь перевести дыхание. Сердце колотилось, но это был уже не чистый страх.

Он не такой страшный. Ну, то есть страшный, конечно. Но... адекватный. Не заорал, не раздавил. Даже спросил, кто я. Достаточно милый, — пронеслась в голове абсурдная мысль, и я сама от неё фыркнула, сжав губы в улыбку. Напряжение начало отпускать.

Я подняла планшет, чтобы поставить галочку напротив его фамилии. И моя улыбка замерла, а потом медленно сползла с лица.

Его строка была пуста.

Он чиркнул стилусом, но не в том поле. Подпись маячила где-то на фоне документа, а клетка «Чернов Д.А.» оставалась белой.

— Господи... — прошептала я, и холодная волна паники накрыла с головой. — Чёрт! Чёрт, чёрт, чёрт.

Это значило только одно. Мне придётся подойти к нему снова.

Я закрыла глаза, прижав горящий лоб к прохладной стене. От лёгкого облегчения не осталось и следа.

Собравшись духом и вздохнув полной грудью воздух, я заставила себя рвануть назад.

Он всё ещё был там. Стоял, облокотившись на подоконник, и я на секунду засомневалась, выдержит ли эта хлипкая конструкция его массивную фигуру. Он что-то внимательно смотрел в телефон, не поднимая головы.

Я подошла и встала прямо напротив, собрав в лёгкие воздух.

Подходя к нему во второй раз, я сразу наткнулась на «стену». Невидимую, но абсолютно физическую. «Энергетику» полного, ледяного недовольства.

— Прости... хм, Демьян, — резко, почти нервно выдавила я.

Он оторвал взгляд от экрана и поднял на меня глаза. Потом медленно, словно нехотя, оторвал себя от подоконника и выпрямился во весь свой устрашающий рост. Он нахмурился, его взгляд стал тяжёлым и вопрошающим.

Я протянула ему планшет. Руки мои предательски дрожали.

— Прости, — снова, как дура, извинилась я. — Но ты не там подпись поставил. Поставь, пожалуйста, напротив своей фамилии.

И, запинаясь, настойчиво сунула ему в пальцы стилус.

В этот раз он раздражён — это было видно. Ему явно не понравилось, что я осмелилась подойти снова. Но всё же он молча взял планшет и стилус. Я заметила, как он стиснул челюсть — скулы резко выступили под кожей. Да, он был не

в восторге от моего общества.

Я быстро, стараясь не дрогнуть пальцем, показала на экране:

— Вот сюда, напротив фамилии, чтобы не ошибиться.

И, подойдя чуть ближе, наклонилась над планшетом, чтобы удостовериться, что он точно попадёт в нужную клетку. Я ткнула пальцем прямо в строчку «Чернов Д.А.». Потом подняла голову, чтобы проверить, смотрит ли он туда.

И, встретила с его взглядом.

Он не смотрел на экран. Он хмуро, с каким-то непонятным мне выражением, разглядывал, мою макушку. Мои волосы. Он был так высок, что с его почти двухметрового роста ему открывался вид сверху на мой собранный в хвост, ярко-рыжий чуб.

На его лице было не просто раздражение. Было что-то другое. Брезгливость? Отвращение? Он смотрел на мои волосы так, словно они были покрыты чем-то липким и противным.

Меня резко бросило в жар от стыда. Неужели они грязные? Я же мыла голову вчера! Но под его взглядом я вдруг усомнилась во всём. Мне стало, невыносимо не по себе. Я почувствовала себя не просто назойливой, а физически неприятной ему.

Я резко сделала шаг назад, инстинктивно.

Демьян уже направлял кончик стилуса к своей строчке. И вдруг откуда ни возьмись подбежал парень, запыхавшийся,

видно, искал его.

— Демон, тебе эта инфа вряд ли понравится, — усмехнулся он, переводя дух.

Демьян застыл. Стилус не коснулся экрана. Черт.

— Снежок заявил свои права и намерения на Королеву.

От этих слов Демьян будто окаменел. Кончик стилуса так и не опустился.

— Когда? — спросил он тихо, по-звериному.

И энергия вокруг него сменилась мгновенно. То, что было до этого — раздражение, брезгливость — теперь казалось детской игрой. Теперь от него исходила настоящая, животная опасность. Холодный страх прошелся у меня по спине. Мысль промелькнула молнией: Не дай бог оказаться ему врагом.

— Сегодня, — бросил парень, даже не взглянув в мою сторону.

«Ну же, поставь свою идиотскую подпись, и я пойду. Нет, побегу!» — кричали мои мысли. Я буквально тряслась, глядя на его застывшую над экраном руку со стилусом. Подпись. Он не поставил. Он завис.

И моё сердце, казалось, зависло вместе с ним.

— Уёбок, — проскрипел он сквозь стиснутые зубы. Было видно, как сдерживаемая агрессия и злость копошатся в нём.

Он резко всучил мне планшет и стилус. Я рефлекторно схватила их.

За секунду Демьян развернулся и пошёл прочь вместе с

тем парнем.

И тут у меня что-то переключилось. Инстинкт самосохранения прогорел. Или сработал наоборот — уже не знаю. Но я сама разозлилась. Бешено, до дрожи.

В два шага догнала их и, не думая, схватила его чуть выше кисти, за предплечье. Это было состояние аффекта.

Дёрнула его на себя. Он затормозил и повернулся. На его лице — чистое удивление и полное непонимание. Он смотрел на меня, словно не веря своим глазам.

— Подпись! — прорычала я, ткнув ему планшетом в грудь. В моих глазах читалась дикая смесь — злость, животный страх и яростное нетерпение. Там бушевала буря. Я глазами показала на экран.

Он так сильно сжал челюсти, что скулы выступили белыми горами. Выдохнул — как буйвол, мощно и горячо. Воздух от его выдоха защекотал волоски на моём лице.

Он ничего не сказал. Лишь глухо, внутриутробно прорывав, взял стилус, быстро нацарапал свою корявую подпись прямо рядом с моим пальцем, указующим на его фамилию. Сунул стилус мне в руку. И ушёл.

«Боже.»

Моё сердце забилося обратно — отчаянно, громко. Я, задышавшись, прильнула к подоконнику и плюхнулась на то самое место, где только что сидела его... попа. И заулыбалась. Слабо, нервно, но заулыбалась от дикого, всепоглощающего облегчения.

Привет, мои дорогие! ##

Я долго отсутствовала, и за это время очень соскучилась по нашим историям. Но я возвращаюсь — с ещё большей страстью и нетерпением хочу писать.

Кто подзабыл текст — самое время перечитать последние главы, освежить в памяти. А мы продолжаем!

Сегодня будет ещё одна большая глава.

Глава 6 Свята

На следующее утро я, как заведённая, первым делом проверила планшет. Список почти сиял от завершенности. Одна за другой, галочки. Все, кроме одной. Последняя пустая строка горела, как красный сигнал: Зимин С.Н.

Я не подходила к нему не потому, что боялась больше, чем к Демьяну. Нет. Просто он не попадался. Он был как призрак — все о нём говорили, все его видели, а я — нет. До сегодняшнего дня.

Сейчас он был здесь. В столовой. И его было невозможно не заметить.

Сава Зимин восседал за большим столом в центре зала, как король на троне. Высокий, с идеальной спортивной фигурой — не такой грузной, как у Демьяна, а выточенной, как у гонщика «Формулы-1». Волосы цвета пепла и холодного платины, безупречно уложенные.

Вокруг него — свита. Но центром вселенной был он. Он ржал. Громко, беззастенчиво, закинув голову. Звук был таким же идеальным и наглым, как всё в нём. Он вёл себя так, будто весь этот институт, этот зал, этот воздух принадлежали лично ему. В его манерах была не просто уверенность — была всепоглощающая, золотая наглость.

И тут произошло то, что окончательно вписало эту сцену в какой-то гламурный, токсичный клип.

Из толпы к его столу подошла та самая девушка — та самая, что вышла из его машины в тот первый день. Длинные белые волосы, короткое платье. Она с нежным хихиканьем плюхнулась ему прямо на колени. И он — мгновенно, почти рефлекторно — подхватил её, обхватив ладонью её узкую талию и притянув ещё ближе к себе. Она прильнула к его груди, а он что-то прошептал ей на ухо, отчего она засмеялась ещё громче. Это была идеальная картинка.

Я сидела в своём привычном углу, за столиком у окна, с Ликой и Катей. Мы доедали наши бутерброды.

— Ну ты, Свят, молодец, — сказала Катя, кивнув на планшет у меня в руках. — Думала, ты сольёшься.

— Да, правда, умничка, — поддержала Лика, но её взгляд нервно скользнул в сторону той живой картины с Савой и его девушкой. — Хотя... самый сложный, наверное, впереди.

Да, я уже рассказала Лике и Кате про встречу с Демьяном — про подпись не в том поле и про свой нелепый спринт.

— А потом, — тихо сказала я, глядя на свой чай, — когда я во второй раз подошла, и он уже почти поставил подпись... к нему подбежал какой-то парень. И сказал: «Демон, Снежок заявил свои права и намерения на Королеву».

Я подняла глаза. Лика и Катя переглянулись. Мгновенно. Катя наклонилась через стол, её голос стал тихим.

— Королева... — прошептала она, оглянувшись. — Это же Анастасия Ростовская. Ты её не видела, конечно. Она не тусуется здесь, в общей столовке.

Лица тут же достала телефон, пролистала Инстаграм и показала мне фото.

— Смотри.

На экране была девушка. Высокая, невероятно тонкая, с лебединой шеей. Волосы пепельно-русого, почти серебристого оттенка, уложены в идеально гладкий низкий пучок. На ней было не кричащее платье, а что-то из серого шёлка, дорогое и безупречно скроенное. Фото было сделано якобы невзначай — она стояла у борта частного самолёта, вполоборота, смотря вдаль. Ни одной лишней эмоции на лице. Холодная, безупречная, неприступная.

— Ей двадцать, — продолжила Катя, забирая телефон. — А её семья... Это не просто богачи. Говорят, у них даже свой замок в Европе есть. На таких, как она, женятся сыновья олигархов и... ну, местные короли.

Она многозначительно кивнула в сторону стола Савы.

— И Зимин, и Чернов с того самого момента, как она здесь появилась, она на третьем курсе, положили на неё глаз. Но это не про «трахнуть и подарить машину», — Катя фыркнула. — Это про брак. Про союз кланов. Ростовская — это Престиж. И она, учится на отлично, ведёт себя тихо, скромно, ни в каких скандалах.

Я смотрела на это холодное, идеальное лицо на экране и чувствовала, как меняется моё восприятие той услышанной фразы. «Заявил свои права и намерения» — это звучало уже не как драка из-за девчонки. Это звучало как официальная

декларация войны за трон.

— Ну это ж логично, — пожалала я плечами. — Богатые на богатых.

— Да это понятно, — Катя скрутила стаканчик в трубочку. — Но вот если бы всё было только по деньгам, они бы её уже давно как лот на аукционе поделили. Тут приколы в другом. В ней самой.

— В чём, в её скромняшке-манере? — уточнила Лика.

— Ага, — Катя хихикнула, понизив голос. — Представь: вокруг них одни выпендрёжницы, золотые куклы. А тут — она. Тихая. Умная сама по себе. И, типа, болтают, что она где-то в интервью говорила, что мужик в семье должен быть главным. Что баба должна уметь слушаться.

Лика округлила глаза.

— Серьёзно? В наше-то время? Это ж раритет полный!

— В том-то и дело, — Катя глотнула чаю. — Для таких, как Сава и Демон, которые только ломать и умеют, это не женитьба. Это вызов. Не просто купить красивую тёлку с приданым, а чтобы она сама шею склонила. Чтобы её покорность была не куплена, а добровольной. Это им как высший трофей.

Она задумалась на секунду.

— И ещё, слышала, они на неё подсели потому, что она, первая, кому реально похуй на них. Не бегают за ними, не интересны ей они.

Я глянула на этот шумный, сияющий центр столовой, где

восседал Сава. К нему надо было подойти.

Катя посмотрела на часы и встала.

— Ладно, я пошла. Пара через десять минут. Ты как?

— Иди, — кивнула я, не отрывая взгляда от стола в центре. — Я подожду, пока он освободится. Подойду, поставит подпись и тоже уйду.

Лица тоже посмотрела в сторону Савы и горько, почти болезненно вздохнула. В её вздохе было столько невысказанного восхищения и тоски, что стало неловко.

— Ну, удачи, — пробормотала она, поднялась с места, и тоже направилась к выходу.

Толпа вокруг Савы стала рассасываться. Кто-то смотрел на телефоны, кто-то зевал, кто-то собирал сумки. Его девушка, та самая блондинка, пересела с его колен на соседний стул и теперь что-то оживлённо обсуждала с подругой. Рядом с ним остались два парня и ещё одна девушка.

Сейчас они встанут и уйдут все вместе. И он уже не останется один. Я проморгаю момент. Мне придётся искать его завтра, а завтра у меня отчёт перед Грошевым.

Сделала глубокий вдох, встала и пошла. В горле пересохло.

Я подошла, зажимая планшет так близко к груди, что чувствовала, как его уголок давит на рёбра. Сердце не просто колотилось — оно билось где-то в висках, оглушая меня.

Поправила тяжёлую сумку на плече — глупый, нервный жест. Они что-то обсуждали, смеялись. И вдруг — тишина.

Не я её создала. Её создал он. Сава. Он резко, на полуслове, оборвал фразу, которую говорил парню рядом. И повернулся.

Он просто повернул голову. И его взгляд, холодный и медленный, как сканер, пополз по мне снизу вверх. От моих потрепанных ботинок, по безразмерным штанам, к бесформенной кофте, к моему лицу. Я тоже смотрела только на него. Остальные просто исчезли, растворились в фоновом шуме.

Я с лёгким, чисто формальным кивком сказала:

— Привет.

Никакой улыбки. Никаких лишних эмоций. Сухо. Потом быстренько, почти резко, оторвала планшет от груди, поднесла его вместе со стилусом.

— Нужно поставить подпись. Декан просил. Все старшекурсники перед защитой диплома должны. Твоя осталась последней.

Я протянула ему планшет. Моя рука была идеально прямая, насколько это возможно, когда внутри всё дрожит.

И... ничего.

Он не взял. Не поднял руку. Не потянулся. Зимин просто сидел и смотрел. Смотрел на меня поверх планшета. Я упорно уставилась на экран, на стилус, на что угодно, только бы не встречаться с его глазами. Но периферией зрения я видела его лицо. Безучастное. Оценивающее.

Я почувствовала, как краска стыда начинает подниматься к щекам. Моя рука с планшетом начала неловко замирать

в воздухе. Я сделала крошечное, нетерпеливое движение — «возьми, ну же» — всем телом, даже не осознавая этого.

Тишина вокруг нас стала густой, тягучей. Его девушка перестала болтать с подругой и теперь наблюдала за сценой с каким-то скучающим любопытством. Его друзья замерли.

А он всё не брал.

Пауза длилась пару секунд. Казалось, застыл не только он, но и весь воздух в столовой.

И вдруг он вздохнул. Но не обычный вздох. Это был наигранный, театральный выдох — громкий, с лёгким стоном. Он откинул голову назад, прикрыл веки, сжав переносицу пальцами, оттопырив мизинец с такой нелепой, преувеличенной грацией, будто играл в плохой театральной постановке.

И начал смеяться. Не открыто, а зажатым, давящим смешком, будто его только что довели до предела какой-то вселенской глупостью. Как будто он ждал именно этого момента, этой последней капли.

Я заморгала, сбитая с толку. Мой взгляд на секунду оторвался от него и метнулся к его друзьям. Они не смеялись. Они смотрели на меня. Все. Как акулы, почуявшие кровь. Его реакция была сигналом. Пока я подходила к другим — они, может, и косились, но ставили подпись и забывали. Здесь же, из-за этого дешёвого спектакля их «короля», я мгновенно превратилась в главную помеху, в объект всеобщего внимания. В виновницу того, что его величество по-

тревожили.

Во мне поднялась волна недоумения и досады. Какой же он... debil? Это что за цирк?

Не выдержала и спросила, не скрывая раздражения в голосе:

— Не поняла?

Завтра продолжим

Глава 7 Свята

Погружение в главу на 100%! ##

Чтобы прочувствовать всю гамму эмоций, поставьте один из этих треков:

Indila - Love Story (Afro Soul Cover)

Adele & Indila | Afro Soul Mashup (Mansur)

— Бесит, — наконец проговорил Сава, когда успокоился и его усмешка погасла, растворившись в холодной, неподвижности лица.

Он вернул себе лицо — то самое, с которого слезла маска развлекательного барчука, осталась лишь скучающая, но живая опасность.

Зимин уперся локтями в стол и подался вперёд. Даже в таком положении, когда я смотрю на него сверху вниз, он похож на дракона, свернувшегося перед прыжком.

— А я тебя запомнил. Ты ещё не поняла, да, рыжая?

Его голос был тихим, почти интимным. Я невольно перевела взгляд на его свиту. И почувствовала, как по спине, по полз ледяной, липкий холод. Они замерли. Уголки их губ задёргались, вытягиваясь в хищные, голодные, презрительные улыбки.

И тут он щёлкнул пальцами у меня прямо перед лицом. Резкий, сухой звук, заставивший вздрогнуть. И неожиданно,

нараспев, с театральной гадливостью, произнёс:

— Хитрая рыжая, играла в игру...

— Подпись. Поставь, пожалуйста. - Резко оборвала его.

Больше я не желала ничего говорить. Слова казались теперь нелепыми и беспомощными. Всё, что было внутри — сжалось в тугой, раскалённый клубок злости.

Этот идиот не взял планшет. Вместо этого он прислонил свой указательный палец к губам — изящный, театральный жест, полный преувеличенной задумчивости. Молчание. И оно сработало. Вся столовая замерла в ожидании продолжения спектакля. Его палец у губ был не просьбой, а приказом: «Замолчи и слушай, как я буду тебя развлекать».

И он продолжил, нараспев, смакуя каждую рифму:

— Рыжая затеяла лисью игру — Подползти к королю, слизать позолоту.

На последнем слове, на этом грязном, влажном «слизать», его рука опустилась. Не случайно. Демонстративно, пошло и отвратительно, он схватился за ширинку своих обтягивающих синих джинс, поправляя её — а точнее, не поправляя, а нарочито обхватывая ладонью и пальцами ту самую явную, напряжённую выпуклость, которая у него там выделялась под тканью. Жест был настолько откровенным, настолько унизительно-сексуализированным, что у меня перехватило дыхание. А лицо вспыхнуло огнём — не стыда, а чистой, ярости. Жар разлился по щекам, шее, залил уши, и в этом пылающем лице мои глаза, наверное, казались двумя

кусками льда.

И все вокруг — ржали. Громко, животнo, от души. Его свита, соседние столики, вся эта сборище. Сам Сава, откинувшись на спинку стула, хохотал, довольный эффектом. Потом он обернулся к своим, размашисто жестикулируя, играя на публику:

— Охуеть, слышали? Это как-то само из меня выходит, ахах-ха-ха! — похвастался он, и в его голосе звенела неподдельная, нарциссическая радость. Он хвастался своей тупейшей «импровизацией» этим придуркам, таким же, как он, которые тут же подхватили, захлёбываясь от восторга: «Круто!», «Снег, ты гений!», «В натуре!».

Мерзость. Густая, липкая, как смола. Она висела в воздухе. И он был её источником. Этот красивый, отполированный ублюдок. В этот момент я поняла, что он даже хуже, чем я думала. Хуже, потому что его жестокость была артистичной. Он наслаждался.

Я делаю шаг назад. В горле стоит колючий ком — из страха, унижения и дикой, невысказанной злости. Сглотнуть его невозможно. Он царапает изнутри, требуя выхода. «Умри или говори.»

И я выбираю говорить. Тихо и спокойно.

— Зимин. Даже в самом дешёвом ночном клубе, после десятой рюмки, такой жест считают признаком отбитого интеллекта. А в университетской столовой это... — я на секунду подбираю слово, — диагноз. Социальный аутизм, ослож-

нённый манией величия. Тебе не подпись нужна, а санитар с уколом. Или, как минимум, нянечка, чтобы объяснила, где тут туалет для таких демонстраций.

Смех оборвался. Его друзья смотрят то на меня, то на Саву. На его красивом, всегда насмешливом лице — ни капли гнева. Только чистое, необработанное удивление.

— Че она сейчас сказала? — пробубнил один из парней рядом, тупо моргая. Будто и вправду не понял ни единого слова.

— Ого... — тихо свистит Зимин. — Вот это её реально вынесло, да? — Он обводит взглядом притихших друзей. — Прямо принципиально. До слёз обиделась, что я с ней поиграть не захотел... Молодец, артистично! Почти поверил, что ты не из-за моего члена здесь! Почти! — Он передразнивает мой тон, делая его тонким и плаксивым, и снова хмыкает. — Ладно, побеждает ещё. Такие всегда возвращаются.

И тут его тон меняется. Максимально. Обрывается. Все напускное веселье сползает с его лица, как маска. Остаётся голое, чистое раздражение и тихая, ледяная агрессия, смешанная с таким презрением, что по спине пробегает мурашки.

— Только уже ползком, — добавляет он другим голосом. Тёмным. Ниже. От этого нового тембра, который так резко прорезал воздух, становится физически страшно. Не по себе. Холодок страха, который я думала, что победила, возвращается и сжимает горло.

Я дура. Полная и абсолютная дура. Что я делаю? С кем я говорю? Я что, совсем забыла, с каким психом-садистом сейчас спорю? С тем ублюдком, который чуть не выколол глаз Чернову? На мгновение я, как глупая, наивная лунатичка, представила себе Чернова. Вот он бы сейчас... Он бы точно за меня заступился. Встал бы между мной и этим монстром своим здоровенным телом и той тихой, смертельной угрозой, которую он излучает. Да, он грубый и опасный. Но его опасность... она какая-то честная. Примитивная. А не вот эта, вывернутая наизнанку, артистичная жестокость Зимина.

«Мечтать не вредно, Свят.» Чернова здесь нет. Никого нет. Только я. И он. И его сворка, которая уже не смеётся, а замерла.

Я не повышаю голос. Не стараюсь казаться дерзкой или крутой. Я просто смотрю на него и говорю тем же тихим, ровным тоном, каким говорила с самого начала.

— Знаешь что, — говорю, почти с сожалением, понимая, что пора заканчивать, — Удачи тебе объяснять декану, почему ты единственный, кто её не поставил. Из «принципа». Или из-за того, что твои руки были заняты другим.

Я разворачиваюсь и ухожу. Не с вызовом. Не с гордо поднятой головой. Просто ухожу, потому что разговор окончен.

Сделала два шага. И тут мне в спину, громко и нарочито, ударили его слова. Он не просто кричал. Он читал. Читал своим гнусавым, похабным речитативом, пытаясь изобразить что-то вроде репа, но получались лишь убогие, дегра-

дирующие рифмы:

— Эй, Рыжая, стоп! Дай закончу!

Мой ты ред флаг! Будь цвет волос твой иной...

Я б тебя выеб на спор за один присест, сука, давай, не вой!

Запомни на век — твой максимум, детка,

Пальцы в темноте да чужой член в рот.

Мечтая, как кто-то другой тебя, рыжую, наконец-то раздвинет на два.

Потому что твой ген — это сплошной приговор!

Ты не в моём вкусе, честно,

Рыжий — это знак беды, известно.

Не хочу грубить, но уйди —

Твой цвет для спермы слишком яркий, погляди.

Будь ты блондинкой... Может, был бы шанс.

А так — никакого, детка, продолжения.

Он закончил на громкой, надрывной ноте, явно довольный своей «импровизацией». Его друзья взорвались диким, согласным хохотом, выкрикивая одобрения: «Да, Сава, жги!», «В натуре ред флаг!», «Рыжая — приговор, ахаха!».

Их хохот, злой и животный, впивался в спину. Каждая его дурацкая рифма была не просто оскорблением. Он пытался сделать из меня шутку, которую будут помнить и обсуждать ещё долго.

К моменту, когда его убогая, похабная песня стихла, я уже была у выхода из столовой. Замерла, вцепившись в планшет. И обернулась. Почему-то обернулась.

Слезы, внезапные и предательские, навернулись и обожгли глаза, застывая всё расплывчатой пеленой. Я видела столовую через эту водяную плёнку. Всё ещё полную людей. И все они смотрели на меня. Десятки глаз. С любопытством, с жалостью, с откровенным злорадством.

Я перевела этот мокрый, нечёткий взгляд на тот стол. На ту ублюдскую компашку во главе с главным ублюдком. Они всё ещё ржали, но уже не в мою сторону. Они ржали друг над другом, хлопали Зимина по плечу, празднуя его «победу». Только на мгновение — может, это мне показалось, потому что я тут же отвела глаза, — я заметила его девушку. Ту самую, с белыми волосами. Она не смеялась. Она смотрела прямо на меня. И в её взгляде не было ни смеха, ни злорадства. Там было ледяное, чистое презрение.

Я рванула с места, вбежала в пустой, прохладный коридор. И только тут, вдали от всех этих глаз, позволила одной-единственной, горячей и крупной слезе скатиться по щеке. Я грубо стёрла её тыльной стороной ладони, оставив на коже соляной ожог. И побежала.

Не знаю, сколько проходит времени. На пару, наверное, опоздала. Поднимаюсь на второй этаж по широким, округлым ступеням. В огромном, лакированном коридоре — ни души. Пары уже начались. Я чувствую полный, абсолютный упадок сил. Может, на фоне всего стресса — новая локация, учёба, ещё эта работа... Старостой не назвать, но я выполняю почти все поручения декана. Тело словно налилось

свинцом, каждое движение даётся с трудом.

Иду, и мои шаги гулко отдаются в пустоте. Тишина такая, что слышно биение собственного сердца. Притормаживаю у огромного окна, смотрю на снег, беззвучно падающий за стеклом. Белый, чистый, безразличный.

И вдруг — шаги. Кто-то идёт. Быстро. Целенаправленно.
— Эй.

Голос, низкий и чёткий, эхом раскатывается по пустоте. Я резко оборачиваюсь, и сердце на секунду замирает, а потом срывается в бешеную скачку. Дыхание перехватывает.

Зимин. Он приближается. Один.

Я дико оглядываюсь по сторонам. Пусто. Совершенно пусто. Никого, кто мог бы вмешаться. Липкий, холодный ужас поднимается по горлу.

«Сейчас ударит.» Мысль проносится яркой вспышкой паники. По-другому не может быть. Он подошёл, чтобы отомстить. За то, что посмела ему что-то вякнуть при всех. Или глаз выколет. Или просто изобьёт здесь, у окна.

Я инстинктивно притягиваю планшет к груди, как жалкий щит. А он подходит ближе. Его шаги твёрдые, неспешные. В этот раз он не играет на публику. И он... хмурый. Сосредоточенный. В его лице нет той театральной насмешки. Есть что-то другое, куда более опасное.

— Не подходи! — мой голос срывается на хриплый шёпот. Я выставляю вперёд руку, ладонью наружу, жалкий жест запрета. Дыхание сбито, во рту сухо и горько. Надо кричать.

Надо звать на помощь. Но горло сжато спазмом, и из него не выходит ни звука.

А он всё ближе. Не ускоряясь. Просто сокращая дистанцию с неумолимой, хищной целеустремлённостью.

— Совсем что ли, рыжая, ку-ку? — говорит он, почти выходящая надо мной, и крутит пальцем у своего виска. — Иди сюда.

Зимин резко тянет меня за шиворот рубашки, застёгнутой по самое горло. Ткань врезается в кожу, сдавливая дыхание.

— Что это? Что ты делаешь?!

Я пытаюсь оттолкнуть его одной рукой, но он не сдвигается. Он твёрдый, как сталь, и невероятно горячий под тонкой тканью его чёрной футболки. Его пальцы грубо скользят по моей шее, царапая нежную кожу у ключиц — резко, больно — и засовывают что-то холодное и тонкое мне под воротник рубашки. Белый пластиковый прямоугольник.

— Это визитка. В салон. Перекрасишь волосы.

Он склоняется ко мне, и его шепот обжигает ухо. Всё смешалось — ужас, шок, и вдруг, сквозь всю эту панику, я с дикой чёткостью ощущаю его запах. Морозный воздух, дорогой, почти медицинский одеколон и что-то ещё... тёплое, животное, опасное. Я шокирована настолько, что не могу даже понять его слов, только одно резкое желание бьётся в висках: оттолкнуть, ударить, сбежать.

— Если на окраску нет денег у тебя — скажи от Зимина. У тебя два дня. Потом подойдёшь ко мне.

Он резко отпускает меня. Я чуть не падаю от неожиданности, натыкаясь спиной на холодное окно. Он выпрямляется во весь свой рост, бросает на меня последний, нечитае-мый взгляд, и уходит обратно к лестнице. Не оборачивается. Его шаги гулко отдаются в пустом коридоре, а потом и вовсе стихают.

Я стою, прислонившись к стеклу, со сбитым дыханием. Сердце колотится где-то в горле. Дрожащими пальцами я достаю из-под ворота тот самый тонкий пластик, идеальный прямоугольник матового, молочно-белого цвета. На нём не было ничего лишнего. Только выгравированное тёмно-серебристой краской название: LE GEL. И в углу — едва заметный чёрный QR-код. Ни адреса, ни телефона. Только эта надпись. «Лёд», — промелькнула у меня в голове догадка. Само собой. Салон с таким именем наверняка брал клиентов только по приглашениям.

Девочки только честно, как вам глава?)) мне очень нужны ваши звездочки для продвижения

Глава 8 Свята

Я решила не идти на пары. Самочувствие ухудшалось с каждой минутой — не просто слабость, а какая-то разбитость, будто меня вывернули наизнанку. Мороз, который я обычно переносила нормально, сегодня пробирал до костей. Ветер сек лицо снежной крупой, и каждый порожек отдавался глухой болью во всём теле.

В кармане лежала та самая визитка — белый матовый прямоугольник, который Зимин с такой наглой легкостью сунул мне под воротник. Она резала мысли, как лезвие. Вспомнилось его лицо в тот момент — сосредоточенная, хищная целеустремленность. И этот шепот, обжигающий ухо: «Перекрасишь волосы».

Неужели он всерьёз думает, что я сделаю это? Что я, как все эти куклы из его свиты, готова перекрашиваться по приказу, лишь бы обратить на себя внимание этого самовлюблённого ублюдка? Он что, принял мой страх и ярость за какую-то дешёвую игру? Сволочь. Омерзительная, отполированная сволочь.

Кутаясь в куртку теплее, я дошла до остановки. Благо, автобус подъехал почти сразу. Через десять минут я уже выходила у своего общежития. Единственное, за что можно было зацепиться в этом дне, — это то, что общежитие студентам МИРЭКа выделили действительно достойное. Не ветхий ба-

рак, как я боялась, а современное, уютное здание. В подъезде пахло свежими моющими средствами и сладковатым ароматом выпечки из соседнего магазинчика пекарни.

В фойе на первом этаже стояли мягкие диванчики, горел большой телевизор с новостями. Дежурный за окошком, мужчина средних лет, лишь кивнул мне, не задавая лишних вопросов — я прошла по пропуску через турникет. Тишина. Благословенная, ничем не нарушаемая тишина.

Наша комната с Ликой на третьем этаже была просторной, со свежим ремонтом, двумя отдельными кроватями и своим санузлом — белым, чистым, пахнущим свежестью. Роскошь по меркам Светлогорска.

Сил едва хватило, чтобы вскипятить воду и заварить чай. Есть не хотелось, но я заставила себя съесть пару печений — иначе совсем рухну. Потом просто плюхнулась на кровать, натянула одеяло с головой и провалилась в сон — тревожный, горячий, где чёрный автомобиль давил на меня, а чей-то голос нараспев твердил про «ред флаг» и яркий цвет для спермы.

Проснулась от звука открывающейся двери.

— Боже, Свята! Ты как?

Я приподняла голову. В дверях стояла Лика с двумя бумажными стаканчиками в руках.

— Тебя не было на парах. И... Черт возьми, это не важно. Я видела тот ужас, что произошел с тобой в столовой.

От её слов я окончательно села на кровать. Голова была

тяжёлой, в теле ощущалась горячая разбитость — температура явно была. Но сон, хоть и тревожный, немного восстановил силы.

— Похоже, приболела, — промычала я хриплым от сна голосом.

Лица встревоженно присела на край моей кровати и протянула стаканчик.

— Ничего, переживу. Как-нибудь. Спасибо, — я взяла тёплый стаканчик. Пахло какао.

— Ой, да не за что! Я тебе ещё принесла булочку из столовой. Думала, ты не ела. — Она протянула бумажный пакетик, от которого потянуло сладкой ванилью.

Я уже хотела взять булочку, как заметила её взгляд. Он был не просто встревоженным — в нём читался панический ужас.

— Лица? Что-то ещё?

Она закусила губу, её пальцы нервно забарабанили по стаканчику.

— Свята... там... видишь ли... — она потянулась за своим телефоном на столе, затем резко передумала и схватила мою руку. — Кто-то... кто-то снимал. Не с их стола. Со стороны. И выложил отрывок. Тот, где он... этот свой «рэп» читал.

В глазах у неё стояли настоящие слёзы. Не от жалости — от шока за меня.

— Ролик уже... он быстро расходуется. Во всех студенче-

ских чатах. Все в шоке. Комментируют. Обсуждают.

Сначала я её просто не поняла. Словно её речь долетала до меня сквозь толстое стекло. Потом смысл ударил, ледяной и тяжёлой волной. Снимали. Выложили. Все видели. Все обсуждают.

«За что?» — пронеслось в голове бессильной, детской мыслью. Господи, за что я такая невезучая? Нельзя было просто тихо прийти, учиться и выживать? Нужно было обязательно стать всеинститутским посмешищем? Вселенской мишенью для отработки чьего-то больного, нарциссического юмора?

И тут же, из самых тёмных глубин, выполз, как ядовитая змея, тихий, знакомый голос. Голос бабушки: «Это наша участь, внучка. Женщины нашего рода прокляты. Ярких, умных, не таких — ненавидят и выставляют на позор. Так было всегда».

Нет. Нет, я не верю в эту чушь. Это не проклятие. Это просто подлая, грязная случайность и наличие рядом законченного подонка.

— Боже, нет, — выдохнула я, — Только не это.

Я почувствовала, как горячая волна стыда и ярости накрывает с головой, смывая даже ощущение болезни. Меня выставили на всеобщее обозрение.

— Свята, я в шоке. Вообще от происходящего, — прошептала Ли́ка, сжимая мой локоть.

Я отпила глоток какао. Оно было сладким и пресным од-

новременно.

— Я просто очень везучая, — сказала я наконец, и в моём голосе прозвучала не горькая ирония, а что-то худшее — пустота и принятие. Та самая везучесть, что преследует меня с рождения. Везучесть на боль, на унижение, на то, чтобы быть гвоздём, по которому все рано или поздно бьют.

Лица трясущимися руками скинула с себя куртку и бросила её на стул, торопливо уткнувшись в телефон.

— Господи, Свята, смотри... — её голос сорвался. — Уже больше десяти тысяч просмотров.

Я боялась смотреть. Такое же чувство было, когда в детстве я знала, что сейчас получу подзатыльник, — замирание и паралич. Сглотнув комок в горле, я всё же посмотрела на экран. И меня перехлестнула волна такого стыда и унижения, что сердце застучало, словно пытаюсь вырваться из груди.

На экране был ролик, выложенный в популярной студенческой группе. Снято было откуда-то из угла столовой, возможно, из-за стойки раздачи, где стоят работники. Ракурс был такой, что наши лица были не в фокусе, видны больше силуэты и общая картина. Но этого было достаточно. Слишком достаточно.

Чётко виден был мой огненно-рыжий хвост — яркое, кричащее пятно в кадре, которое притягивало взгляд, как сигнальный флаг. Видно, как я стою, вытянув планшет — поза застывшая, неестественно прямая, и по мелкой дрожи в пле-

чах и руках любой мог догадаться, насколько я напряжена. Видно, как я резко бросаю короткую фразу в ответ на его театральный вздох и жест. Слышен мой голос, приглушённый, но твёрдый: «...тебе не подпись нужна, а санитар с уколом».

А напротив — он. Сава. Его профиль, расслабленная, царственная поза. Потом его лицо поворачивается ко мне, и видно, как на нём медленно расплывается та самая ядовитая, самовлюблённая усмешка. Видно, как он начинает что-то говорить, двигая бровями, играя для своей публики.

Потом я разворачиваюсь, чтобы уйти. И тут он начинает. Его голос, гнусавый и нарочито-ритмичный, заполняет весь ролик: «Эй, Рыжая, стоп! Дай закончу!...» Камера слегка дрожит, возможно, у того, кто снимал, тоже сдали нервы. А вокруг — море лиц. Они повернуты к нам. И когда он выпаливает очередную похабную строчку, по залу пробегает волна — сначала тихий шквал хихиканья, а потом, на кульминации, настоящий взрыв дикого, согласного хохота. Бурные овации, хлопки по столу. И я, серая и маленькая на фоне этого веселья, почти выбегаю из кадра. На этом ролик обрывается.

— Уже двенадцать тысяч, — голос Лики прозвучал как эхо из другого мира. Она лихорадочно скроллила вниз. — И комментарии... Господи, комментарии...

Она тараторила, зачитывая обрывки, и каждое слово было как удар хлыста:

«Да он её уничтожил морально, ребят...»

«А рыжая-то огонь! Держалась!»

«Нормально так ред флаг вынесли, ахаха!»

«Это кто вообще? Новенькая?»

«Бедная девочка, ей теперь жить...»

«Да пошла она, сама лезла, наверное...»

«Зимин как всегда на высоте! Коронный разгон!»

«Кто-нибудь знает, как она вообще после этого в институт придёт?»

«А что, справедливо. Нечего к королям лезть...»

Каждый коммент, будь он полон злорадства или дешёвой жалости, был одним и тем же — приговором. Приговором моей репутации, моему спокойствию, моей попытке просто быть невидимой. Я стала мемом. Историей. Посмешищем. Теперь меня будут узнавать по хвосту. По этому видео. По похабному «рэпу» Савы Зимина.

Я закрыла глаза, но картинка с экрана уже впечаталась в мозг. Этот огненный хвост на фоне всеобщего смеха. Моё единственное, самое ненавистное украшение, ставшее клеймом.

Глубокая ночь. Почти одиннадцать. Выпитые лекарства наконец-то подействовали, температура спала, и я чувствовала себя более-менее человеком. В сети я старалась не заходить — у меня есть своя страничка, но я её никогда не вела и не собиралась. Смотреть на тот ролик — всё равно что резать по живому. Единственное спасение сейчас — учёба и те рабочие моменты, которые мне подкинул декан Грошев.

Я пыталась погрузиться в них с головой, чтобы закончить, прилечь и вырубиться. Мысли о снотворном даже не казались такими уж радикальными.

Лика, в отличие от меня, не садилась за учебники. Она только и делала, что лихорадочно обновляла страницу с роликом, параллельно переписываясь в десятке чатов. Кате она звонила уже несколько раз — та тоже была в полнейшем шоке. И все их разговоры сводились к одному: странно, что Сава Зимин так вообще «заинтересовался». Никто не понимал масштаба. А я молчала. Я ещё не сказала им про визитку.

Когда Катя позвонила в последний раз, Лика поставила её на громкую связь. У них, похоже, не было других тем для разговора. Катя выпалила с порога:

— Вся общага только об этом и говорит! Все чаты, все закрытые группы — одно и то же! Уже... — она сделала драматическую паузу, — сто пятьдесят тысяч просмотров. Куча лайков. Но самое главное, я просто в шоке, он же реально в тебя «въехал»! Такого от него ещё не было! Мы тут с девчонками уже в чатах пишем всем этим тварям с закрытого аккаунта! Пусть знают, что ты не одна! — в её голосе сквозила горячая, яростная защита.

Я, лежавшая с закрытыми глазами, не выдержала. Подошла к телефону.

— Он мне визитку всучил, — тихо сказала я, перекрывая их поток. — Отдельно подошёл ко мне после всего этого. Всучил визитку.

В комнате повисла гробовая тишина. Лица уставились на меня, широко раскрыв глаза, словно я сказала, что прилетели инопланетяне. Из телефона тоже доносилось только тяжёлое дыхание.

— Что?! — пронзительно взвизгнули они почти синхронно. — И ты молчала?! Почему сразу не сказала?! — закричала Катя из динамика, и в её тоне не было ничего, кроме гнева.

— Что сказать? — мои собственные слова прозвучали устало и отстранённо. — Это было настолько мерзко и омерзительно, что об этом даже говорить не хочется.

— Подожди, подожди, — Катя резко перешла в режим следователя, её голос стал жёстким. — Он тебе дал визитку от салона. Чтобы ты пошла... что? Только не говори, что он сказал...

— Чтобы я пошла перекрасилась, — закончила я за неё.

В динамике телефона повисла тяжёлая тишина. Потом голос Кати прозвучал медленно, с недоверием:

— И... ты пойдёшь?

Я посмотрела на Лику, та лишь растерянно хлопала глазами. «Пойдёт ли она?» С какой стати?

— Вы что, совсем? — мой голос прозвучал резко, почти грубо. — Я никогда на это не пойду.

Наступило мгновение полного молчания. Лица замерли, глядя на меня. За последнее время она уже достаточно узнала меня, чтобы понять: я не из тех, кто гонится за внимани-

ем «королей». Моё «нет» было не позёрством, а гранитной стеной.

— Конечно, прости, глупый вопрос, — первой опомнилась Катя из динамика, и в её голосе сквозь шок пробилось уважение. — Ладно. Значит, так. Завтра мы с девчонками вгоняем в землю в чатах всех, кто пишет про тебя гадости. Пусть знают, что у тебя есть своя охрана. Пусть и маленькая.

Ли́ка кивнула телефону, её взгляд стал твёрдым.

— Да. Нас уже человек шесть. Будем громче этих подлиз.

Ли́ка схватила меня за плечи, но уже не трясла, а смотрела прямо в глаза, полная решимости.

— Он не пройдёт, Свят. Не дадим.

— Спасибо, — прошептала я, и в груди что-то ёкнуло, не от облегчения, а от странной, почти забытой теплоты. Быть не одной, это было приятно. Невыносимо приятно и горько одновременно.

— Так, ну-ка, давай поподробнее, — вернулась к делу Катя, её голос стал деловитым. — Как всё было? С самого начала. Отдельно, после столовой. Рассказывай. Нам нужно знать все детали.

Уже начало первого ночи. Я выпила ещё таблетку, укрылась с головой и изо всех сил пыталась провалиться в сон, чтобы этот кошмарный день наконец закончился. Но Ли́ка не спала. Она тихо, но яростно переписывалась в телефоне, по её хмурому лицу и резким движениям больших пальцев

было ясно — там снова кто-то отзывался обо мне, и она ставила «их на место». Казалось, эта тема стала номером один не только в институте, а чуть ли не во всей студенческой Москве.

И тут снова зазвонил телефон. Я вздрогнула, сердце ёкнуло от предчувствия новой беды. Лица лихорадочно схватила его.

— Катя? Что слу...

Не договорив, она резко нажала на громкую связь, и из динамика ударил почти истеричный крик Кати:

— Демьян Чернов! Демьян Чернов поставил лайк! ЛАЙК, блин! На тот ролик!

Лица в два шага подскочила к моей кровати и ткнула меня в плечо.

— Свята! Свята, просыпайся! Вставай!

Я с трудом откинула одеяло и села на кровати, чувствуя, как холодная тревога снова заливала всё тело, вытесняя остатки сна.

— Кто? Что? — пробормотала я.

— Чернов! — повторила Лица, уже суется со своим телефоном. — Сейчас, сейчас зайду... — она поставила Катю на громкую. — Вот, смотри!

Она сунула мне перед лицом телефон. На экране была страница. Д. Чернов. Никаких имён, никаких пафосных описаний. Только эта аватарка — крупно, в чёрно-белых тонах, часть мощного плеча с татуировкой. Не просто узор, а что-

то плотное, мрачное, напоминающее то ли старую гравюру, то ли схему. Рассмотреть смысл было невозможно, только ощущение — тяжести, металла и скрытой угрозы.

У него было около полутора тысяч подписчиков, страница не закрыта. Он явно ею не пользовался. Листаю вниз. Ни одной его фотографии в полный рост. Ни одного лица. Ни намёка на хобби, друзей или привычную жизнь. Лишь восемь-девять кадров, выхваченных из тьмы. Всё в гамме чёрного, серого, сырого бетона и мокрого асфальта. Видно, что он любил дождь — или то состояние мира, которое дождь обнажает. Снимки луж, в которых тонут отражения уличных фонарей, рваные облака, ржавые металлические конструкции.

И последняя — выложенная пару месяцев назад, ещё осенью. Серая, мокрая от дождя брусчатка. И на ней — лишь половина его массивного, грязного после дождя ботинка, словно застывшего в шаге. Слово он шёл, остановился, чтобы сделать этот кадр, и пошёл дальше.

Подпись к фото была всего одна строчка, но от неё веяло таким ледяным, вселенским утомлением и скрытой яростью, что по спине пробежали мурашки:

«Пока дождь смывает одно дерьмо, ты уже стоишь по колено в другом.»

И под тем самым позорным роликом — роликом со мной, и похабным «рэпом» Савы — теперь горела иконка лайка от этого мрачного, безликого аккаунта. Просто лайк. Без ком-

ментария. Но в контексте всего, что я знала о нём и о Саве, этот лайк был громче любого крика.

— Блядь! Чтооо?! — завизжала Катя так, что динамик захрипел. — Он написал комментарий! Черт возьми, что происходит?!

Я и Лика разом вцепились взглядом в экран её телефона. Под роликом, прямо под лайком, теперь висел новый комментарий. От аватарки с татуированным плечом. Короткий, рубленый, как удар:

«Д. Чернов. : Король соплей."

Тишина в комнате стала абсолютной, густой, давящей. Даже дыхание замерло. Первой нарушила её Катя, и её голос прозвучал как холодный, безжалостный вердикт, от которого похолодела спина:

— Похоже, нейтралитету конец.

Я сидела, не в силах пошевелиться, ощущая, как внутри меня сталкиваются две противоположные волны. С одной стороны — леденящий шок и понимание: теперь я официально в эпицентре войны. Этот комментарий не просто оскорбление. Это публичный вызов. Для них обоих я теперь не просто случайная жертва, а, повод.

Но с другой стороны... с другой стороны, сквозь весь этот ужас и леденящее предчувствие беды, пробивалось другое чувство. Дикое, нелепое, запретное тепло. Это была поддержка. Пусть циничная, пусть не про меня, а против него. Но это был щит, грубо сколоченный из ненависти, который

кто-то — кто-то вроде него — неожиданно выставил между мной и тем вселенским позором. Король соплей. Всего два слова. Но они перечеркивали весь тот похабный рэп, всю ту ядовитую насмешку Савы.

Буквально за десять минут комментарий Д. Чернов. набрал сотню лайков и почти столько же ответов. Лента под роликом взорвалась.

Катя Волкова: Офигеть, это же сам Чернов! Жесть!

Миша из МИРЕКа: Всем, кто в теме — соболезнаю. Нейтралитет нарушен. И первым его нарушил Демон Чёрный. Всем беречься.

Призрак_Аноним: Объясните, а что за нейтралитет? О чём речь?

Правда 97: Призрак Аноним, ты что, с Марса? Чернов и Зимин. Война. Теперь она официально снова началась.

Алина Крас: А рыжую-то вообще жалко. Её просто разорвут между ними.

Фан Демона: Демон рулит! Так ему и надо, этому выпендрёжному Снежку!

Холодная Зима: Ничего, скоро все забудется. Они всегда так.

«неизвестный:» Ты серьёзно? После такого комментария ничего не «забудется». Это объявление войны. Всем студентам МИРЭКа — держитесь от коридоров подальше."

И опять шок.

— Снег репостнул у себя ролик! — взвизгла Катя.

Лица уже листала, и через секунду я увидела. На странице Савы, под его именем, теперь висел тот самый ролик. И над ним — надпись, такая же наглая и самовлюблённая, как и он сам:

«Теперь я всерьёз подумываю, чтобы начать петь рэп и собрать стадионы. Искусство требует жертв, даже самых... ярких. новый талант рыжая муза»

Я чувствовала, как по щекам разливается жар от стыда и ярости. Он сделал меня мемом на своей странице. Его «музой». Это было ещё мерзостнее, чем сам ролик.

Лица, всё ещё в шоке, машинально листала его профиль. У Савы было около трёх тысяч подписчиков, и было видно, что он тоже особо не парится — никаких пафосных описаний. Но контраст с чёрно-белым адом страницы Чернова был разительным.

Здесь были светлые, почти дурацкие фотки. Одна — где он гладит какого-то пушистого кота, а тот громко мурлычет, подставив животик. Другая — клумба с яркими, немного кривыми цветами и подписью: «Бабушка, это твои руки?». Третья — он в огромной старинной комнате с высокими окнами, корчит на камеру искажённую, кривую рожу, подпись: «У мамы в офисе встретил призрака. Призрак был не я».

Я смотрела на это и чувствовала холодное недоумение, смешанное с ужасом. Вот так психов и не различить, — произошло в голове.

Комментарии под роликом лихорадочно обновляются.

Лица скроллит вниз, и вдруг её палец замирает. Катя на другом конце провода уже орёт: «Он ответил! Снег ответил! Но не Чернову!»

Под одним из комментариев случайного подписчика : Миша Мирек: «Нейтралитет нарушен. Ждем мясо.»

Внезапно появляется ответ от аккаунта Савы Зимина. : «Мясо? Ага. Помню, как ДерьмоДемон на кухне трахал пончик, а потом его же и сожрал. С тех пор я на сладкое не смотрю. Проверено. ностальжи, детскиегодычудесные

Эффект был мгновенным и сокрушительным. Комментарий набрал тысячу лайков быстрее, чем за минуту. Под ним взорвалась новая ветка обсуждения — уже сотни ответов: хохот, шок, требования подробностей, крики «ОООООО!», «ЭТО ЖЕСТЬ!», «ПРЯМ В ДЕТСТВО ВЕРНУЛ!».

А тем временем сам ролик уже набрал почти шестьсот тысяч просмотров. Видно было, как раскололось общественное мнение: для внешних, случайных зрителей вся эта история с комментариями стала частью одного безумного, наглого, но будто бы запланированного шоу. Многие в общих чатах уже писали: «Да это же пиар!», «Гениально, они вместе раскручивают историю!», «Какой талант у Снега, даже травлю в арт превращает!».

Мы молча листали комментарии, этот бесконечный водоворот. И среди сотен сообщений вдруг мелькнуло знакомое имя — один из парней из свиты Савы.

Иванов Кирилл (верифицированный, с фото на фоне той

же чёрной машины):

«Блин, а у неё цвет волос вообще нереальный. Таких ярко-рыжих я в жизни не видел. Это как называется-то? Марсианский?»

И под этим, спустя пару минут, всплыл ответ:

«Сава Зимин ответил Иванов Кирилл: Это ненадолго. Исправим.»

Меня будто ударило током. «Исправим».

Под этим тут же набежали ответы его же свиты:

«Алекс: Ого, серьёзно? Будет блондинкой?»

«Сава Зимин ответил Алекс: Уже в процессе. »

«Петров Ваня: Покажешь?»

«Сава Зимин ответил Петров Ваня: Конечно, покажу. »

Он выставил напоказ не только моё унижение, но и свои будущие планы по «исправлению».

Я сжала телефон так, что пальцы побелели. Это было даже не больно. Это было чувство, будто тебя публично раздели и выставили на аукцион, где уже известен победитель и итоговая цена.

На следующее утро я проснулась рано, хотя заснула, наверное, только в три ночи. Сегодня пятница, день отчёта у Грошева. Несмотря на вчерашнюю температуру, чувствовала себя слабо, но уже лучше — лекарства и хотя бы четыре часа сна помогли.

И тут же вернулось всё. Ролик. Я почти машинально зашла посмотреть.

Ужас. Полтора миллиона просмотров. Комментариев — десять тысяч. Я даже не стала в них заходить. Но самое чудовищное было в другом: тот самый «рэп» Савы кто-то «исправил». Под его убогий, кривой речитатив, на котором он сломался в середине строчки, подставили начищенный бит, сгладили огрехи, натянули на ритм. Получилась цепкая, наглая попса-издевка.

Бездарь, — холодно подумала я, глядя на экран. Абсолютно безграмотный. Ни слуха, ни чувства ритма. Ему петь не дано. Но это уже не имело значения. Они взяли его убогий высер и исправили. Отполировали. Сделали конвертируемым. Под эту «улучшенную» версию уже снимали свои ролики — в основном девчонки, которые за ночь покрасились в рыжий, чтобы «попасть в тренд». Штук пять таких я уже увидела. Они весело кривлялись, подпевая похабным строчкам.

Меня тошнило. Моё унижение не просто стало мемом — его «отретушировали», чтобы было удобнее потреблять. Я превратилась в чистый, обезличенный образ для насмешки, в звуковую дорожку для дуэтов.

Нужно было вставать. Идти к Грошеву. Делать вид, что я всё ещё просто староста, а не главная героиня отполированного до блеска позора.

Глава 9 Свята

Я заставила себя собраться. Съела тарелку каши, выпила чай с бутербродами, проглотила таблетки — делала всё на автомате. Нужны были силы. Хотя бы видимость сил.

Лику будить даже не пыталась. Она, уткнувшись лицом в подушку, пробормотала что-то невнятное:

— Я позже... к третьей паре подойду... Не парься...

Конечно, она заснула под самое утро. Я оставила для неё на столе готовый завтрак — ещё один бутерброд и пакетик чая — и вышла, стараясь не хлопать дверью.

Когда я подходила к институту, сердце колотилось от животного страха. Я боялась, что стала «звездой», что каждый будет узнавать меня, показывать пальцем, шептаться.

И каким же было моё облегчение, когда никто не обратил на меня внимания. Я буквально выдохнула. Сперва, заходя в главные двери, затаила дыхание, готовая к удару, а потом — выдох. Длинный, дрожащий выдох.

Студенты как студенты. Все шли по своим делам: кто сонный, кто весело болтает по телефону, кто лихорадочно повторяет конспекты. Каждый был в своём мире. Как же хорошо, — пронеслось в голове с дикой благодарностью. Ролик быстро вспыхнул и так же быстро забылся, как и тысячи других. Жизнь шла дальше. Наверное.

Единственное, что выбивалось из этой картины, — взгляд

двух студенток, проходивших мимо. Они смотрели на меня не с любопытством, а с такой открытой злостью и нескрываемым презрением, что по спине побежали мурашки. Их взгляды были как плевки. Я потупилась и ускорила шаг, стараясь раствориться в толпе.

После первой пары я пошла к декану. Весь путь по коридору меня не отпускала одна мысль: знает ли он про ролик? Вдруг он скажет, что я компрометирую институт? Что староста должна быть безупречной, а не всеинститутским мемом?

Помещение было таким же ярким, как и его хозяин. Не холодно-официальным, а тёплым, даже немного эклектичным.

Сам Аркадий Петрович Грошев сегодня сиял, как попугай. На нём был безупречно сидящий костюм цвета тёмного шоколада, а вместо прошлого кислотно-зелёного галстука сегодня полыхал шёлковый платок в горох — лимонный на изумрудном фоне.

Он внимательно листал планшет, кивая.

— Ну что ж, Свята Евгеньевна, отличная работа. Молодец, — произнёс он, и его голос звучал бархатисто, будто он хвалил не студентку, а перспективного стажёра.

— Зимин Сава подпись не поставил. Простите. Уговаривать его было... невозможно.

— Зимин? — Декан снял свои эффектные очки и поднял брови, на его лице отразилось неподдельное, почти театральное удивление. — Свята Евгеньевна, я, честно говоря, удивлён, что вам вообще удалось проделать эту работу. И что

все остальные поставили! Я думал, и половины не соберёте, учитывая... наш особый контингент. А вот с оформлением протоколов последнего заседания — там вы просто золото! Чисто, структурировано, без воды. И с отчётом по библиотечным фондам разобрались, хотя там, я знаю, был полный хаос. — Он посмотрел на меня, положив очки на стол, и в его взгляде читалось деловое одобрение.

— А подпись Зими́на... — Грошев сделал воздушный, изящный жест рукой с маникюром, будто отмахиваясь от пылинки. — Да не так она и важна в его случае. Зимин — это Зимин. — Он снова поднял указательный палец вверх, и в этом жесте была не просто констатация, а почти ритуальное признание статуса. — Ему и без неё можно. Тем более на защите будет присутствовать его отец. А он, знаете ли, не просто наш спонсор. Он — крыша нового корпуса, в прямом и переносном смысле. Фактически, меценат.

Боже. Я тут из кожи вон лезла, нервничала, терпела унижения... А оказывается, эти подписи для таких, как он, — пустая формальность?

Они ведь прекрасно осведомлены. Знают, на что способен их «великий» студент Зимин. На сочинение деградирующих, похабных куплетов он талантлив.

И всё это покрывается деньгами и положением его отца.

Интересно, как он вообще будет диплом сдавать? Скорее всего, всё будет подстроено. Такой, мне кажется, даже выучить ничего не сможет. Не будет же он петь похабщину со

сцены? Хотя... не удивлюсь. Такой и на такое способен.

И только когда я уже встала, чтобы уйти, декан меня окликнул.

— Свята Евгеньевна, — его голос стал тише, почти отеческим. — Вы не думайте... Если что, обращайтесь. В обиду не дадим. Но советую... всё, что связано с Зиминым, не принимать близко к сердцу.

Слова декана Грошева всё ещё гудели в ушах, когда я вышла из его кабинета. Значит он в курсе.

В кармане куртки тихо завибрировал телефон. Я машинально достала его, думая, что это Лика или сообщение из общежития. Но на потрескавшемся экране горел незнакомый номер. Неизвестный отправитель.

Сердце ёкнуло смутным предчувствием. Я открыла сообщение.

«Свята, ну сколько можно? Я пытаюсь до тебя достучаться. Писал, звонил — я в чёрном списке. Так не пойдёт. Летом ты приедешь, и мы наконец поговорим. Отнекиваться не получится. Кстати, был сегодня у твоих. Навестил Степу.»

Мир вокруг поплыл. Коридор, студенты, белые стены — всё превратилось в размытое пятно. В ушах зазвенело, а в груди сжалось.

Егор. Это мог быть только он. Тот самый парень, который когда-то казался тёплым. Тот же наглый, уверенный тон. «Был сегодня у твоих. Навестил Степу.»

Холод страха, острый и липкий, пополз по спине. Он пе-

решил все границы. Он знал, где мы живём, но приходится... приходится к Степе? Зачем? Чтобы напомнить о себе? Чтобы показать, что он может в любой момент войти в нашу жизнь, в наш хрупкий, больной мир? Или... чтобы что-то сделать?

Мысли метались. Степа беззащитен. Мама вечно на работе. Бабушка старая. А он... он тот, кто растоптал моё доверие. Что он мог сказать Степе? Что мог сделать?

«Я сюда приехала не для этого, — пронеслось в голове, резко и ясно. — Не для того, чтобы бегать с планшетом за мажорами. Я здесь, чтобы учиться. Чтобы найти деньги. Чтобы вытащить их от туда.»

Степа. Операция. Миллионы. Фонд «Новая жизнь» оказался пустышкой, но ведь должны быть другие — реальные, честные. Здесь, в Москве. Я должна их найти.

Скоро наконец закончится эта вся эпопея с защитой дипломов у старшекурсников — та самая, где я так вымоталась, помогая другим студентам с организацией: рассылкой, списками, оформлением протоколов для комиссии. И можно будет наконец сосредоточиться на главном. Нужно думать и изучать местные фонды. Обращаться везде, куда только можно.

Надо будет поговорить с деканом. Объяснить, что я не могу быть настолько занятой побочными поручениями. Может, стоит рассказать ему про фонды? Или даже... про брата? Чтобы он понял, почему для меня это так важно. Конечно стоит! Хотя страшно. Слишком личное.

С этими мыслями я вышла из корпуса и, пристроившись на холодной скамейке в сквере, стала набирать маму. Мы созваниваемся каждый день, несколько раз. Говорим по видео, я вижу брата и бабушку. Это мой якорь. Но сегодня в голосе у меня будет тревога. Мне нужно выяснить, зачем приходил Егор. И сказать маме, чтобы больше его не пускала. Никогда. Даже на порог.

Спасибо вам большое за заинтересованность в этой истории. сегодня была маленькая глава, но после нее начнется все самое интересное)

Глава 10 Свята

Я думала, защита дипломов — это скучно.

Тихие аудитории, бормочущие преподаватели, скрип стульев и запах старой бумаги.

Я ошиблась.

Здесь, в МИРЭКе, даже диплом защищают так, будто выходят на красную дорожку.

Главный зал сиял. Хрустальные люстры, отражались в полированном паркете. Кулисы из тяжёлого бархата. Сцена, оборудованная так, что хоть «Оскар» вручай.

Я стояла у левой кулисы с планшетом, пришитая к этому мероприятию должностью «помощник организатора» — девочка на побегушках.

— Осокина, проверь микрофон у четвёртого стола!

— Осокина, программы заказали? Там опять типография напутала с вёрсткой!

— Свята, милая, принеси воды членам комиссии, только не холодной, у Аркадия Львовича горло...

Я бегала. Носилась. Разруливала.

Происходящее на сцене не имело к науке никакого отношения.

Парень с фамилией, которая висела на корпусе экономического, вычитывал доклад с экрана телефона, запнулся на слове «инфляция» и победно улыбнулся в зал. Ему захлопали.

Девушка в платье, которое стоило наверное как моя годовая стипендия, полчаса рассказывала про «оптимизацию бизнес-процессов», ни разу не открыв рот — она просто шевелила губами под запись, пущенную через невидимый наушник.

Преподаватели кивали. Родители сияли.

Это был не экзамен. Это была ярмарка тщеславия.

Я поймала взгляд декана Грошева. Он стоял у противоположной кулисы, в пиджаке цвета фуксии и с бабочкой в горох, и выглядел так, будто задумал повеситься прямо на этом бархатном занавесе.

Увидел меня — едва заметно закатил глаза.

«Я знаю, — говорил этот взгляд. — Но кормить семью надо».

Я кивнула и понесла воду членам комиссии.

А потом в зале что-то изменилось.

Не звук. Не свет. Воздух. Я обернулась.

Они вошли почти одновременно. С разных сторон зала. Словно два полюса, которые никогда не сойдутся, но вечно притягивают взгляд.

Сава Зимин.

На нём был идеальный тёмно-синий костюм. Дорогая ткань, безупречная посадка, запонки, которые ловили свет и разбрасывали его мелкими зайчиками. Волосы уложены — та самая холодная платина, от которой у половины женского состава института подкашивались колени.

Но сквозь эту безупречность всё равно проступало — другое.

Татуировки. Они не прятались под тканью, они угадывались. Тёмные узоры на шее, на запястьях, уходящие под воротник. Костюм сидел идеально, но не мог скрыть того, что под ним — не мальчик с дипломом, а зверь, которого наряжали на выход.

Сава шёл к своему месту в первом ряду, и каждое его движение было ленивым, плавным, опасным. Он знал, что на него смотрят. Ему было плевать.

Демьян Чернов появился с другой стороны.

Чёрный костюм. Чёрная рубашка. Чёрный галстук, затянутый так туго, что, кажется, душил. Но Демьяну было всё равно. Он нёс свою темноту как броню.

Ни улыбки. Ни приветствия. Ни взгляда по сторонам.

Он сел в последний ряд, в тень колонны, и замер. Охрана — двое крупных мужчин у входа — синхронно сместилась ближе к его сектору.

Я перевела взгляд в другую сторону.

Там, в первом ряду, в кресле с высокой спинкой, сидел

мужчина.

Он был красив. Не той молодой, дерзкой красотой, которой обладал Сава, — другой. Зрелой, отточенной, холодной. Светлые волосы, идеально уложенные, серебро на висках. Костюм сидел так, будто его пришивали прямо на тело. Лицо — ни одной лишней эмоции.

Назар Савельевич Зимин.

Теперь я поняла, в кого пошёл Сава.

Но контраст между ними был разрушающим.

Отец смотрел на сына так, словно тот явился на бал в мусорном баке. В его взгляде не было гордости. Только брезгливость. Холодная, брезгливая усталость человека, который давно разочаровался в своём наследнике и просто дожидается, когда тот перестанет позорить фамилию.

А Сава...

Сава сидел, откинувшись на спинку кресла, и ухмылялся.

Он чувствовал этот взгляд. Будто он знал, что отец его ненавидит. И ему было весело.

Я сглотнула комок в горле.

— Красивые, да? — шепнула Лика, подкравшись сзади.
— Я сейчас умру. Один в чёрном, другой в синем, и все, мои будущие мужья.

— У тебя их будет восемь, — машинально ответила я, не отрывая взгляда от первого ряда.

— Ну, этих хотя бы в первый день разведу, — фыркнула Лика. — Слушай, а ты заметила охрану?

Я кивнула.

— У каждого своя. Стоят как две армии перед войной. Ещё немного, и начнут кидаться программами. Это отцы постарались, — Лика понизила голос. — Говорят, Назар Зимин лично приставил людей к сыну. Чтобы Демон не подошёл ближе чем на десять метров. А Чернов-старший в ответ своих прислал. Такой... паритет.

— Паритет, — повторила я.

Смешно. Я снова посмотрела на Саву. Он сидел, расслабленный, почти развалившись в кресле. Закинул ногу на ногу, поправил манжету. Красивый. Наглый.

— Свята! — зашипела гарнитура голосом помощницы Грошева. — Ты где? У Чернова через два выхода, проверь, что презентация загрузилась, у него всё чёрное, мы ничего не видим!

Я выдохнула, встряхнулась и побежала.

Хорошо. Работа. Работа спасает.

Объявили Чернова.

Я замерла у монитора, делая вид, что проверяю звук. На самом деле — просто смотрела.

Он поднимался на сцену, и это было странное зрелище.

Демьян Чернов, который в коридорах занимал столько пространства, что воздух кончался, — здесь, на огромной сцене, вдруг показался неуместным. Слишком большой. Слишком тяжёлый.

Он шёл, и каждый шаг отдавался глухим стуком в парке-

те. Костюм сидел идеально — чёрный, строгий, без единой складки. Но чувствовалось: эта одежда ему не своя. Он в ней как медведь, которого засунули в смокинг и вывели в свет.

Демьян встал за трибуну.

И трибуна стала маленькой.

Его пальцы легли на края — и пластик жалобно скрипнул. Он отодвинул микрофон чуть дальше, потому что иначе пришлось бы наклоняться, а Демьян Чернов, видимо, не наклонялся ни перед кем.

— Э-э...

Тишина в зале стала густой.

Этот звук. Это короткое, сбитое «э-э». Его произнёс человек, который в драке способен проломить стену, — и вдруг запнулся о микрофон.

Демьян переступил с ноги на ногу.

В его руках не было планшета. Ни телефона, ни умных часов, ни наушника в ухе, куда опытные мажоры шептали ответы. Ничего.

Только скомканные листочки. Бумага, мятая, явно много раз перечитанная, сложенная вчетверо, не помещалась в ладони и торчала неровным краем.

Он развернул их. Помял край большим пальцем. Выдохнул.

И начал.

— Тема моей выпускной квалификационной работы... — голос чуть ниже, чем обычно, но всё тот же, густой, обвола-

квивающий, с хрипотцой. — ...«Оптимизация логистических потоков в условиях нестабильности внешней среды».

Я моргнула.

Что?

Нет, серьёзно. От парня с татуировками и с такой репутацией, я ожидала чего угодно. Голливудских проектов. IT-стартапа. Бизнеса на грани фола.

А он читал про грузоперевозки.

Демьян говорил. Сначала запинаясь, проглатывая окончания, то и дело поправляя листочки, которые норовили свернуться обратно в трубочку. Он не смотрел в зал. Смотрел в бумагу. Иногда — в точку над головами зрителей, куда-то в люстру.

Но смысл... смысл был.

Я вслушалась.

Он не просто пересказывал учебник. Он предлагал схему. Цифры. Расчёты. Риски. Он знал, о чём говорит, — не потому что выучил, а потому что понимал.

Это было... неидеально.

Речь сбивалась. Паузы затягивались. Он дважды поправил галстук, словно тот душил его физически, и один раз так сжал трибуну, что мне показалось — сейчас хрустнет дерево.

Но это было честно.

Никакой записи. Никакой актёрской игры. Никакой фальши.

Просто огромный, неловкий, страшно сильный парень,

который боится сцены — но выходит и делает, потому что надо.

Я смотрела на его пальцы, сминающие край листка, и вдруг поймала себя на мысли:

Ему никто не помогал.

Ни репетиторов, ни спичрайтеров, ни отцовской свиты, которая нашёптывает ответы. Он сам. Всё сам.

— ...таким образом, предлагаемая модель позволяет сократить издержки на четырнадцать процентов, — Демьян поднял глаза от бумаги. — Это... я посчитал. На реальных данных.

Он замолчал.

В зале повисла тишина, та, когда люди думают.

Кто-то из комиссии кашлянул. Профессор с седой бородой снял очки, протёр их и снова надел, глядя на сцену уже по-другому.

— Вопросы будут? — спросил Демьян.

Голос чуть сел. Он откашлялся в кулак.

Я смотрела на него и чувствовала странное, неуместное, злое уважение.

Он не пытался быть тем, кем не был. Не надевал маску успешного мажора. Вышел таким, какой есть: неловкий, огромный, страшно талантливый в том, что ему действительно интересно.

— Спасибо, — сказал Демьян в микрофон.

И, скомкав листочки в кулаке, сошёл со сцены.

Объявили Зимина.

Я не хотела смотреть. Правда. Мне было достаточно Демьяна, его мятого листочка и того странного, горького уважения, которое застряло где-то под рёбрами.

Назар Савельевич Зимин, который до этого сидел как мраморное изваяние, напрягся. Чуть заметно. Руки, до этого спокойно лежавшие на подлокотниках, медленно переплелись на груди.

Он смотрел на сцену так, будто ждал: сейчас его сын опозорит фамилию. Снова. Как всегда.

А Сава... Сава вышел. И я перестала дышать.

Не потому что он был красив — хотя да, чёрт возьми, в этом тёмно-синем костюме, при идеальном свете, с этой холодной платиной волос он выглядел как падший ангел, которого зачем-то нарядили на бал.

А потому что он был собран.

Ни тени той наглой, развязной ухмылки, которую я ненавидела. Ни намёка на ленивую, расслабленную позу. Ни кокетства, ни игры на публику.

Он подошёл к трибуне и взялся за неё обеими руками. Сильно. Жёстко.

И посмотрел прямо на отца.

Это был не взгляд сына, ищущего одобрения.

Это был взгляд человека, который говорит: «Смотри. И запоминай. Потому что второй раз такой возможности у тебя не будет».

— Тема моей выпускной квалификационной работы, — начал Сава.

И у меня челюсть отвалилась. Голос. Это был не тот Сава, который ржал в столовой и читал грязные рифмы про «ред флаг».

Это был голос диктора. Глубокий, чистый, идеально поставленный. Ни хрипа, ни запинки, ни этого вечного «э-э», которым грешили даже отличники.

Он говорил без бумажек. Без планшета. Без наушника. Без суфлёра.

Он просто... знал.

— ...разработка адаптивной модели кредитования социально значимых проектов малого бизнеса в регионах с низкой инвестиционной привлекательностью.

Я моргнула.

Что.

Он говорил о деньгах. О банках. О людях, которые хотят открыть своё дело, но не могут, потому что живут не в Москве и не в Питере, а в какой-нибудь дыре, где банки дают кредиты только под залог квартиры, которой нет.

Он говорил о реальных проблемах.

— Существующая система оценивает заёмщика по формальным признакам: наличие залога, поручителей, кредитной истории. Но в регионах с низкой плотностью населения эти критерии отсекают до шестидесяти процентов потенциально успешных предпринимателей, — Сава сделал паузу.

— Я предлагаю модель, где ключевым критерием становится экономический потенциал бизнес-идеи, а не наличие у заявителя московской прописки или трёхкомнатной квартиры в наследство.

Я смотрела на него и не узнавала.

Этот человек передо мной разбирался в том, о чём говорил. Он не заучил текст — он его прожил. Цифры ложились в расчёты, расчёты — в выводы, выводы — в готовую, работающую схему.

Он говорил двадцать минут. Без остановки. Без запинки.

К концу его голос начал заметно садиться — он слишком много говорил, слишком быстро, слишком плотно, словно боялся, что его прервут, не дадут договорить, заткнут.

Но он договорил.

— ...таким образом, предложенная модель позволяет увеличить количество одобренных заявок на двадцать три процента без увеличения рисков невозврата. — Он поднял глаза от трибуны. Впервые за всё время посмотрел не на отца, а в зал. — Это не теория. Я считал на реальных данных по трём областям Центрального федерального округа. Работает.

Тишина.

А потом — шквал.

Профессор с седой бородой, который ещё пять минут назад смотрел на Демьяна с новым интересом, сейчас откинулся на спинку кресла и медленно, очень медленно, заплодировал первым.

К нему присоединились другие члены комиссии. Потом — преподаватели. Потом — студенты. Зал взорвался. Я не верила своим глазам.

Сава Зимин, который для меня был воплощением всего пустого, показного, фальшивого, — он сделал это. Он вышел и доказал, что он не просто кошелёк на ножках. Что в этой светловолосой голове есть не только рифмы про «рыжий — цвет для спермы», но и мозг. Живой, острый, работающий.

Я смотрела на Назара Савельевича.

Он не аплодировал. Руки по-прежнему скрещены на груди. Лицо — каменная маска.

Сава тоже смотрел на отца.

Долго. Тяжело. А потом...

— Спасибо, — сказал он в микрофон.

Лица ткнула меня локтем в бок.

— У тебя челюсть на полу, — шепнула она. — Закрой рот.

Я захлопнула рот.

— ...ничего не понимаю, — выдохнула я.

— А что тут понимать? — Лица пожала плечами. — Просто у королей бывают дни, когда они снимают короны. И становятся людьми.

А потом Сава наклонился к микрофону.

И всё сломал.

— Это была моя мама, — сказал он.

Пауза.

Он говорил это в микрофон. Спокойно. Даже весело.

— Она учила меня считать деньги, когда я ещё в школу не пошёл. Не потому что хотела вырастить банкира. А потому что сама выросла в семье, где копейку считали два раза. И всё равно не досчитывались.

В зале стало тихо.

— Моя модель, — продолжил Сава, — не сделает никого миллиардером. Но она, блядь, поможет какому-нибудь мужику из Твери открыть пекарню и не брать кредит под тридцать процентов у местного бандита. И его дети, может быть, будут ходить к платным врачам. А не ждать в очереди.

Он улыбнулся.

Широко, открыто, совершенно безумно.

— Поэтому спасибо за внимание. Идите нахуй.

Он сказал это так ласково, будто пожелал всем доброго утра.

Профессор с седой бородой закрыл рот. Председатель комиссии схватился за сердце. Кто-то из преподавательниц всхлипнул то ли от смеха, то ли от ужаса.

А Сава... Сава вдруг изменился.

Это произошло за секунду. Плечи, которые держали идеально прямую линию, вдруг обмякли. Спина, которая час назад была струной, — ссутулилась. Он отступил от трибуны на шаг, сунул руки в карманы брюк и скривился.

— Ладно, бывайте, — бросил он уже другим голосом.

Тем самым. Гнусавым, нарочито-раздолбайским, с интонациями местного алкаша у ларька.

— Чего вылупились? Диплом я защитил, валите нахуй, у меня ещё вечеринка.

Он махнул рукой — расслабленно, лениво, пошло — и, насвистывая какую-то дурацкую мелодию, пошёл со сцены. Костюм сидел идеально. Причёска — ни волоска не выбилось.

Назар Савельевич Зимин медленно поднялся с кресла.

Он посмотрел на сцену, где уже никого не было, потом куда-то в сторону выхода.

И вышел, не сказав ни слова.

...

Глава 11 Свята

Фуршетный зал сиял.

Я ненавидела это слово, но другого не подобрать. Хрусталь, позолота, белоснежные скатерти. Шампанское пузырилось в тонких бокалах, сырная нарезка лежала идеальными полумесяцами, и всё это пахло деньгами.

А я стояла у края этого великолепия и чувствовала себя мухой, случайно залетевшей в витрину «Эрмитажа».

Юбка душила. Чёрный карандаш, чуть ниже колена, сзади небольшой разрез — чтобы можно было ходить. Но кого я обманываю? Я всё равно семенила.

Блузка узкая. Белая, шёлковая, с воротником-стойкой. Ткань натягивалась на груди так, что казалось — ещё немного, и пуговицы разлетятся по паркету.

Колготки. Чёрные, сорок ден. Хотя бы не телесные.

Туфли. Замша, маленький устойчивый каблук, пять сантиметров. Смешные. Для этого зала нужны шпильки и готовность умереть на них красиво.

Волосы. Проклятый хвост. Я собирала его туго, до боли в висках, до натянутой кожи у корней. Затягивала резинку в три оборота — только так этот тяжёлый, густой жгут держался.

Но он всё равно жил своей жизнью.

Рыжие пряди выбивались, падали на лицо, торчали смеш-

ными завитками у ушей. А сам хвост — толстый, плотный, как канат — при каждом шаге бил по пояснице.

Макияжа не было. Ни грамма. Только блеск для губ. Прозрачный, аптечный, за сто двадцать рублей.

Но губы всё равно выглядели так, будто я их сделала. Пухлые, чёрт бы их побрал. Я родилась с ними.

Глаза. Я снова прошла мимо зеркала. И снова отвернулась.

Потому что в этом зеркале всегда отражалось одно и то же: слишком. Слишком яркая. Слишком заметная.

— Осокина, ты как? — Лица подплыла с бокалом апельсинового сока. — Расслабься. На тебя всё равно никто не смотрит.

Я выдохнула. Слава богу.

Фуршет жил своей жизнью.

В центре зала, у высокой стойки с шампанским, стоял Назар Савельевич Зимин. Идеальный костюм. Идеальное выражение лица — никакого.

Рядом с ним, чуть поодаль, переминался с ноги на ногу Сава. Маска уже вернулась на место. Плечи расслаблены, в руке — бокал, который он даже не подносил к губам. Назар Савельевич не смотрел на сына. Сава не смотрел на отца.

В другом углу зала — Демьян Чернов. Разговаривал с пожилым профессором. Слушал, наклонив голову. Не пил. Не улыбался. Их охрана стояла по углам. А между ними — десятки гостей, профессоров, студентов, родителей.

Я прошла мимо Савы в первый раз. Он даже не повернул головы. Я прошла мимо него во второй раз. Ничего. Он даже не моргнул.

Слава богу. Слава богу. Слава богу.

Меня накрыло волной такого облегчения, что на секунду закружилась голова.

Он забыл. Или ему плевать. Или нашлась новая блондинка. Какая разница? Главное — не смотрит.

Я взяла стакан воды, сделала глоток и чуть не рассмеялась от счастья.

Грошев взял микрофон.

Аркадий Львович стоял у центральной стойки. Он не то-ропился. Поправил очки. Откашлялся. Обвёл взглядом зал — и вдруг улыбнулся.

Не той дежурной, официальной улыбкой, которой встречают спонсоров. А другой. Тёплой. Почти домашней.

— Я знаю, — начал он, и его голос разнёсся под высокими сводами, — что вы все сейчас думаете: «Грошев опять будет говорить речь, Грошев опять будет благодарить спонсоров, Грошев опять скажет, какой МИРЭК замечательный вуз».

Он сделал паузу.

— Так вот. Я не буду благодарить спонсоров. Они и так знают, что я их обожаю. И МИРЭК я хвалить тоже не буду — вы все и так знаете, что это лучший институт страны, иначе бы вы сюда своих детей не привели.

В зале раздались смешки. Я замерла у колонны.

— Я хочу сказать о другом, — Грошев снял очки, протёр их краем платка и снова водрузил на нос. — О тех, кого вы сегодня не видели. Они не читали докладов. Не пожимали руки спонсорам. Они просто делали свою работу.

Пауза.

— Ночью. Без денег. Без благодарностей.

Он поправил очки.

— Таких людей сегодня девять. Я попрошу их выйти.

Я перестала дышать.

— Я попрошу выйти... — Грошев достал из кармана помятый листок и близоруко прищурился. — Чернышова Дарья, первый курс, социология.

Из толпы гостей, стоявших у дальнего стола, вынырнула худенькая девушка в очках. Она была в простом сером платье, без украшений, и выглядела так, будто её сейчас хватит удар.

— Не бойся, не бойся, — Грошев поманил её рукой. — Иди сюда. Ты три недели оформляла стенды для конференции. Я знаю. Я видел.

Дарья вышла в центр зала, прижимая руки к груди, и встала рядом с деканом, как приговорённая.

— Савельев Андрей, третий курс, инженерия.

Парень в свитере, слишком простом для этого зала, отделился от компании студентов и, краснея, пошёл к сцене.

— Скворцова Елена, второй курс, международные отношения.

— Громов Илья, четвёртый курс, бизнес-информатика.

— Власова Анна, первый курс, экономика.

— Новиков Кирилл, второй курс, логистика.

— Морозова Татьяна, третий курс, прикладная математика.

— Дмитриев Павел, четвёртый курс, финансы и кредит.

Они выходили один за другим. Обычные. Не в брендовых костюмах. Не при параде. Кто-то в водолазке, кто-то в простой белой рубашке.

Их было восемь.

А потом Грошев замолчал и посмотрел прямо на меня.

— И... — он сделал паузу. Такую длинную, что я услышала, как в груди оборвалось — Осокина Свята, первый курс, экономический анализ.

Что.

Я не двинулась с места.

Ноги приросли к паркету. В голове билась только одна мысль, глупая, паническая, детская:

Нет. Нет-нет-нет. Только не здесь. Только не при всех. Я не выйду. Я не могу. Я не...

— Свята, — Грошев посмотрел на меня поверх очков. В его глазах плясали чёртики. — Ты чего спряталась? Выходи, не стесняйся.

Я почувствовала, как пол уходит из-под ног.

А потом в спину упёрлось что-то твёрдое и настойчивое.

— Иди, — прошипела Лика. — Быстро.

— Я не могу...

— Ты можешь. Ты всё можешь. Иди, пока я тебя не пнула. Она пнула. Я вылетела из-за колонны.

Я не поднимала глаза.

Чёрные мысы. Паркет. Стыки между плитками.

Я встала рядом с остальными.

Тогда я подняла взгляд.

В зале были сотни людей. Я видела только Саву. Три метра. Бокал, застывший у губ. Глаза — тёмные, тяжёлые. Он смотрел на меня.

Я отвернулась.

Быстро. Резко. Слишком заметно.

— Вот, — Грошев положил руку мне на плечо, — Свята Осокина. Поступила к нам по программе «Вертикальный перевод». Знаете, что это такое?

В зале молчали.

— Это когда у тебя нет денег. Нет связей. Нет папы, который оплатит контракт. Но есть голова. И ты пишешь тест так, что члены приёмной комиссии трут глаза и проверяют систему на ошибку.

Грошев улыбнулся.

— Система не ошиблась.

По залу прокатился шёпот.

Я смотрела в пол и молилась, чтобы он замолчал. У меня защипало в носу. Только не плакать. Только не здесь. Только не при них.

— Ну всё, хватит лирики, — Грошев хлопнул в ладоши, и напряжение лопнуло, как мыльный пузырь. — Давайте к делу. У спонсоров сегодня щедрое настроение.

Он махнул рукой, и из-за кулис выплыли две девушки-администраторши с не большими пакетами.

Сине-голубые. Матовая бумага, плотная, дорогая.

— Это вам, — Грошев взял один пакет и вручил его Даше, первой вышедшей девушке. — За то, что вы не спали ночами, пока ваши однокурсники пили пиво в барах.

Даша заглянула внутрь.

И ахнула.

Мне тоже вручили такой же пакет.

Рядом кто-то из ребят уже вытащил коробку — белая, с логотипом. У всех одинаковые.

Я приоткрыла свой пакет. Такой же. Новенький iPhone.

Не последняя модель. Но прошлогодняя. Которая всё ещё стоит как целое состояние.

Я сглотнула. Девчонки пищали. Парни пытались сохранять серьёзные лица.

А потом я подняла глаза.

Первым был Сава. Он смотрел на меня так, будто увидел впервые.

Брови сошлись к переносице. Глаза — тёмные, расширенные — метались по моему лицу. Волосы. Губы. Глаза. Снова волосы. Вниз. Вверх. Вниз. Вверх. Он не мог остановиться. А потом он опрокинул бокал. Резким движением, будто кто-

то дёрнул за локоть. Шампанское плеснуло через край, облило пальцы, запястье, манжету.

Ему было плевать.

Я отвела глаза. И наткнулась на Демьяна. Он стоял в десяти метрах. Он смотрел на меня. Этот взгляд был другим. Не бешеным, не голодным. Тяжёлым.

Они смотрели на меня одновременно. Два взгляда. Два полюса. «Во мне».

Жар ударил в лицо. Резко, как пощёчина. Кровь прилила к щекам так быстро, что закружилась голова. Горело. Не стыдно. Не страшно. Физически. Скулы. Кончики ушей. Шея. Ключицы. Но сильнее всего горели «волосы».

Словно каждый рыжий волос на моей голове вспыхнул одновременно. Словно мой хвост — этот проклятый, яркий, кричащая копна волос — вдруг зажегся настоящим, живым пламенем.

Я стояла посреди зала, с пакетом в руке, и горела заживо под взглядами двух опасных парней.

Грошев наконец отпустил. Махнул рукой — всё, работа закончена. Я побежала. Подсобка нашлась в конце коридора. Небольшая, тесная, с тусклым жёлтым светом.

Здесь пахло остывшей едой. Бутылки с водой громоздились у стены. Никого. Я закрыла дверь. Прислонилась спиной к стене. Выдохнула.

Жарко. Боже, как жарко. Рванула воротник блузки — бесполезно. Юбка душила. Колготки горели. Я подошла к окну.

Дёрнула ручку — в комнату ворвался февраль.

Холодный. Острый. Живой.

Я прильнула к щели лицом и замахала на себя руками. Сильно. Часто. Почти в панике.

Рыжий хвост хлестал по пояснице, как тяжёлая плеть.

Больно. Жарко. Душно. Я закрыла глаза. И вдруг поняла, что в комнате стало «слишком тихо».

Я увидела его в отражении окна.

Тёмный силуэт. Широкие плечи, которые не помещались в дверной проём. Руки в карманах брюк.

Демьян Чернов. Он не двигался. Стоял в двух метрах от меня и просто смотрел.

Я не слышала, как открылась дверь. Не слышала шагов. Он вошёл бесшумно.

— Ой... — Звук вырвался сам. Тонкий, сдавленный, испуганный.

Я резко обернулась. Поясница встретилась с подоконником. Боль прострелила копчик, но я даже не поморщилась. Потому что всё тело парализовало его взглядом.

Он смотрел на меня. Молчал. Потом его рука потянулась к двери. «Щелчок.»

Звук защёлки — как выстрел в пустой комнате. Шум зала исчез. Будто отрезало. Не запер. просто прикрыл плотно. Но тишина стала другой.

Он сделал шаг. Медленный. Тяжёлый. Неотвратимый. Я вцепилась пальцами в подоконник.

Девочки еще немного терпения, скоро начнется все самое интересное , завтра будет большая серия, от Святы и от Парней)))

Глава 12 Термодинамика

Примечание автора

Первая часть диалога в этой главе основан на реальных событиях.

Имена, названия и некоторые детали изменены. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, случайны.

Свята

Я прижала ладонь к груди. Сердце колотилось как бешеное.

— Ты что-то хотел?

Слова вырвались раньше, чем я успела подумать. Демьян стоял. Просто — стоял. Заполнял собой весь проём. Руки в карманах брюк, плечи расслаблены, но в глазах — то самое, тяжёлое, от чего внутри всё сжималось.

— Что-то... нужно? — повторила я тише.

Он молчал. Секунду. Две. Три.

Потом его взгляд скользнул по бутылкам у стены, по открытому окну за моей спиной, по мне — и снова вернулся к окну.

— Холодно? — спросил он.

Я моргнула.

— Что?

— Холодно?

— ...нет. Жарко.

Пауза.

— Мне холодно.

Я смотрела на него и не понимала, к чему он клонит.

— Я сплю в толстовке зимой, — добавил он.

— ...что?

— Сплю в толстовке. В минус.

— Ты? — вырвалось у меня. — Который... ну...

Я повела рукой в воздухе, пытаюсь изобразить «сто килограммов и татуировки».

Он понял. Кивнул.

— Почему?

— Термодинамика.

Я замерла.

— ...что?

— Мышцы греют хуже, чем жир. Термодинамика.

Он сказал это абсолютно серьёзно. Ни тени улыбки. Ни намёка на то, что шутит.

— Ты сейчас серьёзно? — выдохнула я.

И тут я «рассмеялась».

Не громко. Коротко. Всклип, который вырвался сам, без спроса. Прижала ладонь ко рту, но было поздно — звук уже разлетелся по маленькой комнате.

«Господи. Я смеюсь. С ним. Здесь.»

Я не смеялась вообще. Редко улыбалась. А тут — стою,

смотрю на самого страшного человека в этом институте, и смеюсь от того, что он сказал про термодинамику.

— Прости, — выдохнула я, пряча улыбку. — Я не... я не ожидала.

Он смотрел на меня. Всё так же хмуро. Всё так же тяжело. Но что-то в его взгляде дрогнуло.

— Ты не такой, — сказала я.

— Какой?

— Как я думала... Я думала, ты... ну, бандит. Типа, серьёзно. С татуировками, с этой репутацией. А ты...

Я запнулась.

— Что?

— Ты нормальный.

Он хмыкнул.

Коротко. Сухо. Без улыбки.

— Бандит, — повторил он. Попробовал слово на вкус. — Я не бандит... Я Хулиган.

Я смотрела на него. Он отвёл глаза в сторону — на бутылки, на стол, куда-то в угол. И вдруг по его лицу скользнуло что-то.

Тень. Нет. «Улыбка». Короткая. Почти незаметная. Но я её видела. И на секунду — всего на секунду — он показался мне «добряком».

Глупая, широкая улыбка расплзается по лицу, и я ничего не могу с этим сделать. Он стоит — хмурый, огромный, с этой своей бандитской внешностью — и говорит «хулиган»

так, будто это самое обычное слово в мире. И кажется таким «простым».

Я замечаю, как он смотрит, когда я хихикаю. Внимательно. Слишком внимательно.

«Так. Хватит, Свята. Соберись.» Мысленно даю себе пощёчину.

— А ты? — спросил он.

— Что?

— Ты кто?

Я задумалась.

— Я... не знаю. Нелюдимая, наверное. Люблю одна. Тишину.

Он кивнул.

— Я тоже.

Пауза повисла в воздухе. Странная. Тёплая. «Уютная».

Я чувствовала себя... спокойно. Рядом с ним. Хотя должна была бояться. Хотя этот человек — Демьян Чернов — мог раздавить меня одним движением.

Но я не боялась. Или мне просто казалось?

— Спасибо, — сказала я.

— За что?

— За то, что зашёл. И за... термодинамику.

Он посмотрел на меня.

Долго. Очень долго.

— Не за что, — сказал он.

И в ту же секунду всё меняется. За мгновение до того, как

он сделал шаг, я словно уловила это.

Воздух в комнате стал другим. Плотнее. Тяжелее. Исчезла та лёгкость, что была секунду назад, когда мы говорили про термодинамику и хулигана.

Энергетика переменилась.

Я ещё не видела движения, но тело уже знало — что-то надвигается. А потом он шагнул. Резко. Одно движение — и расстояние между нами схлопнулось до нуля.

Я не успела даже отшатнуться. Только вдох — глубокий, испуганный, судорожный.

Я вдыхаю «его». Запах. Мужской. Горьковатый. Древесный и чем-то тёплым, живым, звериным.

Мой нос упирается куда-то в район его груди. Я задираю голову — высоко, почти до боли в шее — и вижу его подбородок. Бритый. Волевой. С чёрной щетиной, которая уже начала пробиваться.

Я поднимаю взгляд выше. Он смотрит на мою макушку.

Паника накрывает с головой.

Только что мы стояли, разговаривали. Я была расслаблена. Мне было почти уютно. А теперь — этот шаг, эта близость, этот взгляд.

Я не могу пошевелиться. Его рука тянется к моему хвосту.

Я вижу её краем глаза — и не могу отвести взгляд. Мускулистая. С жилками, проступающими под смуглой кожей. В чёрных узорах татуировок, уходящих под рукав. С чёрным ремнём от часов на запястье.

Он хватает резинку. Сильно. Властно. И тянет вниз. Одним движением. Резким. Точным. Не допускающим возражений.

Хвост рассыпается. Волосы падают тяжёлой копной на спину, на плечи, на грудь. Резинка остаётся у него в кулаке.

Я не могу даже пискнуть. Шок парализовал всё тело. Я просто стою, вжавшись спиной в подоконник, и смотрю на него огромными глазами, как... Он берёт мои волосы.

Просто берёт — и всё. Как будто так и надо. Как будто он имеет на это право.

Стоит и трогает их. Изучает. Собирает в горсть. Смотрит, как они струятся сквозь пальцы. Бросает на мою грудь — и следит, как рыжие пряди падают на белую блузку.

Потом перебирает. Медленно. Почти ласково. Я смотрю, как мои волосы ложатся на его чёрную рубашку. Алые. Жгучие. Огненные. Контраст обжигает.

Я застыла. Не дышу. Не моргаю. Не думаю. Только смотрю.

— Слишком яркая, — говорит он.

Словно не мне. Словно сам с собой.

— Как сигнальный костёр.

— Который кричит на всю Москву: «Изнасируйте меня».

— Пора тушить.

Он наклонился к моему лицу.

Продолжал гладить мои волосы — медленно, почти ласково — и одновременно затягивал их в тугую жгут. Сильно.

До боли у корней.

Тук. Тук. Тук.

За дверью что-то стукнуло. Глухие удары. Кто-то возился в коридоре. Ещё. И ещё.

— Пора тушить, — повторил Демьян.

Голос был «не человеческий».

Я подняла глаза. И испугалась каждой клеткой тела. Его глаза почернели.

Совсем. Зрачок заполнил всю радужку. Тьма. Бездна. В ней не было ничего — ни тепла, ни жизни, ни того парня, который минуту назад рассказывал про термодинамику. «Демон.» Настоящий демон.

— Перекрасься в чёрный, — сказал он.

Спокойно. Ровно. Будто обсуждал погоду.

Пальцы продолжали играть с моими волосами. Перебирали. Скручивали. Снова распускали.

— Не только ради меня. Ради себя.

— Будешь незаметней.

Я смотрела на него. «Он такой же, как Зимин.» Нет. Хуже. Страшнее. Опаснее. Потому что в Саве была игра, поза, клоунада. А здесь — тьма. Чистая. Беспримесная.

Контраст между тем, что было минуту назад, и сейчас — обжигал.

Здесь — зверь.

За дверью снова завозились. Глухие стуки. Кто-то явно пытался войти.

— Отойди от меня, — сказала я. Голос дрожал. Всё тело дрожало.

— Отойди. — Я сделала осторожный вдох, стараясь не коснуться его, не задеть, не привлечь внимание.

Забрала свои волосы из его кулака. Он позволил. Я легонько обошла его. Бочком. По стеночке. Маленькая рядом с этой громадой. Он даже не повернул головы.

«Зверь. Самый настоящий зверь.» Я смотрела на его спину — широкую, непробиваемую — и понимала: он может убить меня одной левой. Просто сжать лапищу — и всё.

— А что так? — спросил он вдруг.

Не оборачиваясь.

— Перекрасишься в блонд? Хорошо. Будет любопытно тебя увидеть в ошейнике. И на коленях.

Я замерла.

— Такие фотки гораздо лучше разойдутся по соцсетям, — продолжил он.

Всё так же спокойно. Всё так же ровно.

— Будут популярнее, чем тренд «рыжий — слишком яркий для спермы».

Дверь открылась. Не резко. Не с грохотом. Спокойно — как будто кто-то зашёл к себе домой. Я обернулась. И мир перестал существовать.

Там стоял Сава.

Я смотрела на него и не понимала: это реальность? Или кошмарный сон, из которого я сейчас проснусь? Потому что

по-другому это объяснить было невозможно.

Синий пиджак он снял. Держал в одной руке — небрежно, слегка поигрывая, будто это не пиджак, а игрушка.

За его спиной, в коридоре, мелькнула кучка охранников. Человек пять. Может, больше. Сава не обернулся. Просто закрыл дверь. Тихо. Плавно.

«Щелчок.»

А потом он встряхнул пиджак. Стряхнул пылинки. Не спеша. Со скучающим видом человека, которому принадлежит этот мир.

И сделал движение головой.

Чуть откинул назад свою идеальную светлую чёлку. Грациозно. Плавно. Театрально.

Словно позировал для обложки.

Словно он не в подсобке стоял, а выходил на сцену.

Я смотрела на этот жест — и меня трясло.

Потому что это было «слишком». Слишком пафосно. Он выпендривался. Даже сейчас. Даже здесь.

Я стояла у окна. Успела отодвинуться от Демьяна буквально на полметра. Меньше. На шаг. На жалкий шаг, который ничего не решал. Демьян повернулся. Они смотрели друг на друга.

И я поняла: всё. Каждая клетка моего тела кричала об одном. «Опасность. Красный уровень. Красный.!!»

Страх заполнил эту маленькую комнату до краёв. До каждой пылинки. До каждого миллиметра воздуха.

Потому что эти двое — они были «гигантами». Огромные. Широкие. Заполняющие собой всё пространство. А комната была маленькой. Совсем маленькой.

— Выйди.

Демьян обращался к Зимину. Голос был нечеловеческим. Низким. Рычащим. Таким, от которого каждая клетка моего тела затряслась вживую. Это было не слово. Это был приказ. И он означал одно: сейчас что-то случится. Что-то ужасное.

Сава лениво повернул голову.

Посмотрел на Демьяна — и, не сказав ни слова, повесил пиджак на ручку двери. Аккуратно. Медленно. Словно готовился к чему-то. Этот жест мне не понравился. К чему он готовится?

— Твоя охрана, всё та же кучка ебаньков, — сказал Сава. Лениво. Спокойно. Так разговаривают с приятелем, которого давно не видели.

— Сейчас тут «моя» территория, — прорычал Демьян.

— Напомнить, кто первый нарушил нейтралитет? — Голос Савы стал холоднее.

Он засунул руки в карманы брюк. Не отрывал взгляда от Демьяна. Белая чёлка почти закрывала глаза — и от этого его лицо казалось маниакальным.

Нет. Нет. Только не это. Кричало внутри всё. Паника. Ужас. Животный страх, который не контролируется разумом.

За дверью снова слышалось движение. Возня. Голоса.

И меня рвануло. Тело сработало быстрее головы — защитная реакция, смешанная с диким желанием выжить. Я рванула в сторону двери. Просто чтобы оказаться подальше. Просто чтобы выбраться из этого ада.

Один шаг. Один. Резкая боль.

Нечеловеческая скорость.

Длинные руки Демьяна — я даже не увидела движения, только почувствовала захват. Его ладонь сомкнулась на моей шее.

И меня дёрнуло назад. С такой силой, что я ударилась спиной о его грудь. О его каменный торс. Господи. Он был словно из гранита. Ни грамма мягкости. Только твёрдая, нечеловеческая мощь. Его ладонь полностью обхватила мою шею. Полностью.

Волосы. Половина моих волос — тех, что он распустил, тех, что ещё секунду назад лежали на плечах — слетели вперёд. Закрыли половину лица. Залепили рот.

Я сделала судорожный вдох — и чуть не вдохнула собственные волосы. Я была прижата к нему. Спиной к груди. Шеей — в его ладони. И не могла пошевелиться.

— ПУСТИИИ!!!

Я заорала так, что, кажется, порвала голосовые связки. Дёрнулась. Вцепилась в его руку. Царапала. Била. Пыталась разжать эту железную хватку.

Ноль реакции.

Он держал меня как зверька. Как нашкодившего котёнка,

которому не дано выбраться. Без злости. Без эмоций. Просто — держал.

Я задыхалась.

Не только от захвата — от ужаса. От того, что мои попытки вырваться для него — пустое место.

В отчаянии я перевела взгляд на Сава. На него. Единственного, кто был в этой комнате, кроме нас.

«Помоги.»

Я не сказала это вслух. Но кричала всем своим существом. Глазами. Дрожью. Ужасом, который, наверное, был написан на моём лице огромными буквами.

«Помоги мне. Пожалуйста. Помоги.»

Сава смотрел. Спокойно. Равнодушно. Он даже не смотрел на меня. Он смотрел на Демьяна. На его руку на моей шее. И в его взгляде не было ничего, что дало бы мне надежду.

Мозг работал на адреналине. Доли секунды — и я оценила. Сава ниже. Почти на голову. Уже. Не такой массивный. Не такой широкий.

Если он вступится — у него есть шанс? Я поняла это мгновенно. Холодно. Трезво. Он не справится. Никто не справится с этим монстром.

— Уёбывай, — сказал Демьян. Тихо. Ровно. Но так, что воздух в комнате стал тяжелее. — Сейчас тут я.

И тут Сава взорвался.

Я никогда не видела, чтобы человек так менялся за секун-

ду.

Он не выпрямился. Не сделал шаг. Просто склонился всем корпусом вперёд — руки всё ещё в карманах, поза всё ещё расслабленная, но лицо... Лицо стало красным.

Вены вздулись на лбу. На шее. На висках. Глаза налились кровью.

И он заорал.

— ТАК Я ОБ ЭТОМ ЖЕ, ЕБОНАТ!!

Голос был нечеловеческим. Надрывным. Звериным. Он заполнил всю маленькую комнату, ввинтился в уши, в голову, в каждую клетку.

— СПЕРВА Я — ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ ТЫ — ПОПОЛАМ!!

Он трясся. Всем телом. От ярости, которая не находила выхода. Слюна брызгала с губ — обильно, бешено.

— КВИТАЦИЯ! НИ ТЕБЕ, НИ МНЕ ИЗ-ЗА НЕЁ НЕ НАДО!!!

— Уёбывай, Снежок.

Голос Демьяна — низкий, спокойный, нечеловечески ровный. Ладонь еще сильнее сжала мою шею.

— Через неделю заберёшь. Если невтерпёж — натянешь белый парик и оттрахаешь.

Что.

Я слышала каждое слово.

Они говорили обо мне. Обсуждали. Как вещь. Как шлюху, которую можно поделить, разложить по неделям, передать друг другу как эстафету.

Глаза распахнулись так широко, что, кажется, заняли поллица. Я перестала дышать. Они не люди. Они ублюдки. Хуже. Они монстры, для которых я — кусок мяса, который они уже поделили.

И в этот момент Сава изменился. За секунду. Вся краснота схлынула с его лица. Вены перестали вздуться. Плечи расправились. Дыхание выровнялось.

Он выпрямился. И улыбнулся. Спокойно. Плавно. Безумно.

Его рука медленно полезла в карман синих брюк.

Я увидела блеск. Металл. Что это?

Сава достал первый кастет. Серебристый. Тяжёлый. Надел на правую руку — не спеша, смакуя.

— Новые? — Демьян кивнул на кастеты.

Сава довольно улыбнулся, покрутил руку, любясь серебристым блеском.

— Ага. Папа на день рождения подарил. «Златоуст», ручная работа, дамасская сталь. Говорят, лучшие в мире. Сбалансированы так, что руки не чувствуют веса.

Он сжал кулаки, примерился.

— Красиво, — сказал Демьян.

— А то. Такое оружие грех в кармане держать. Для него нужен повод.

— Повод есть. — Демьян усмехнулся. — Прошлые у тебя треснулись об мои рёбра.

Сава оскалится — широко, жутко, по-маньячьи.

— Как и твои рёбра треснулись об мои прошлые.

Он поднял руки, показывая кастет на свет.

— А эти... — голос упал до шёпота, — не потрескаются.

- Сава достал второй. Надел на левую. — Для симметрии.

— Любишь симметрию.

— Люблю, когда красиво.

Они говорили об этом так, будто обсуждали погоду. Будто не кастеты надевали, а перчатки.

У меня внутри всё оборвалось. Я рванулась. Сильнее. Отчаяннее. Вцепилась в руку Демьяна, забилась, задергалась — как птица в силках.

— ПУСТИ! ПУСТИ, ТВАРЬ!

Бесполезно. Он даже не шелохнулся. Я поняла: он будет использовать меня как щит. Как живую преграду. Ему плевать, что я погибну между ними.

Сава театрально откинул голову назад.

Чёлка взметнулась и упала, закрыв половину лица. Он улыбался — широко, жутко, как настоящий маньяк.

И полез в карман снова.

Что-то блеснуло. Маленькое. Прозрачное. Серебристое.

Он открыл рот. И надел это на зубы.

Капы. Боксёрские капы.

Боже.! Нет! Они собирались драться.

Насмерть. А я была между ними.

— Пусти, тварь!

Я рванулась из последних сил. Голос сорвала — оконча-

тельно, бесповоротно. Горло горело огнём, но я не чувствовала боли. Только страх. Только отчаяние.

И тут это произошло. Резкий вдох — потому что хватка на моей шее исчезла.

Демьян убрал руку.

И тут же — короткий, сильный толчок мне в между лопаток.

Лёгкий. Для него — лёгкий. Для меня — достаточный, чтобы я сделала шаг. Прямо на Саву. Я летела на него — не по своей воле, просто по инерции.

Сава дёрнулся. Левая рука с кастетом метнулась ко мне, чтобы перехватить, захватить, поймать.

На его лице мелькнуло удивление — он не ожидал, что я окажусь так близко.

Он не успел.

Чёрная тень.

Демьян просто снёс его.

Одним движением. Коротким. Страшным. Он влетел в Саву, впечатал его в стену.

Треск. Стена. Настоящий, живой треск. Штукатурка посыпалась. Стена пошла трещинами.

Я вылетела в коридор.

Дверь распахнулась — я даже не поняла, открыла я её или просто вывалилась. Рухнула на колени. Боль. Острая, режущая. Колени разодраны в кровь. Кафель холодный и липкий одновременно.

Я обернулась.

Охрана. Они залетали внутрь. Чёрные фигуры, одна за другой, в эту маленькую, крошечную подсобку, где и четыре человека с трудом помещались.

А туда ломились все.

И в проёме, в этом аду из тел, и ярости, я увидела их.

Демьян и Сава вцепились друг в друга. По-настоящему. Не понарошку. Не для выяснения отношений.

Насмерть.

девочки визуалы героев будут , хочу что бы в эпизодах тоже, вообще работаем над этим , завтра выходной, простите , в понедельник большая от парней

Глава 13 "Пять метров"

Демьян

Я выхожу из этой подсобки, и грудь ходуном ходит. Дыши, блядь. Только что вышвырнул эту рыжую дуру в коридор — и сразу словил.

Сука.

Он успел. Этот уёбок Сава успел мне въехать. В челюсть. В ребро. Два раза, пока я вдавливал этого уroda в стену.

Я сплёвываю кровь на чистый паркет. Красное на белом — красиво, блядь.

Быстрый.

Всегда таким был. Скользящий, как лёд, вертлявый, как уж. Сколько лет себя помню, друг друга ломаем — всегда одно и то же. Я замахиваюсь — он уже бьёт. Я только делаю шаг — он уже уворачивается и всаживает мне куда-нибудь в корпус.

Да, сила у меня есть. Силы — до хуя. Я одним ударом могу ему башку снести, если поймаю. Он это знает. И поэтому в его арсенале всегда какая-то металлическая херня. Кастеты, капы, может, ещё и нож где-то в кармане припрятан. Он таким балуется. А я — нет.

Я голыми руками люблю. Чтоб чисто. Чтоб по-мужски.

Но скорость... Сколько ни тренируйся, а он быстрее. Всегда быстрее. Даже когда я в лучшей форме, даже когда собран — он успевает. Сука, как он это делает?

Сплёвываю ещё раз. Кровь всё идёт. Челюсть ноет. Ребро, кажется, треснуло — на вдохе простреливает.

Оборачиваюсь в конец коридора.

Рыжая. Ее не видно, успела убежать. Мысль о ней вспыхивает и гаснет. В одно мгновение. Как спичка на ветру — чиркнула, и нет. Сдуло нахер. Я даже лицо её пытаюсь вспомнить — и не могу. Провал. Пустота. Только этот её дурацкий хвост, который у меня в кулаке хрустел, и глаза... кажется, голубые? Или нет?

Не до неё.

Щас у меня в мыслях совсем другое.

Поворачиваюсь.

Сава тоже вышел из подсобки. Стоит в трёх метрах, приклонившись к стене. Его охрана уже облепила его с двух сторон — пятеро здоровых лбов в чёрных куртках. Мои — рядом со мной. Четверо. Коридор узкий, на двоих не разойтись, а тут целая армия собралась.

И бегут.

Я вижу их ещё издалека. Две фигуры, которые проталкиваются сквозь толпу зевак, сквозь охрану, сквозь этот сраный бардак.

Лёха. Мой.

И Костян — Савин.

Наши «адвокаты». Протеже. Шестёрки с юридическим уклоном, которые ведут все наши переговоры, потому что мы с этим ублюдком даже дышать в одном направлении не

можем.

Лёха подбегает первый. Запыхался, лоб мокрый, глаза бешеные.

— Демьян, блядь, ты чего творишь?! — шипит он, хватая меня за рукав. — Там спонсоры! Грошев их еле удерживает, мы пытались, чтобы сюда никто не сунулся, но если они узнают...

Я молчу. Смотрю на Саву.

Тот тоже слушает своего Костяна. Костян что-то бормочет ему в ухо, жестикулирует, а Сава стоит, смотрит на меня, и в его глазах — всё та же бешеная, маниакальная искра.

— ...если до твоего отца дойдёт, он с тебя шкуру спустит, — продолжает Лёха. — Ты первый нейтралитет нарушил! Первый, Демьян!

— Я знаю, — перебиваю.

Голос тихий. Ровный. Лёха затыкается.

— Хотя бы в этот день, — бормочет он уже спокойнее. — Обойдёмся без этого. Тем более перед вечеринкой. Ну нахер, Демьян. Серьёзно.

Я смотрю на Саву.

Он выплёвывает капли. Прямо в ладонь. Смотрит на них секунду, потом засовывает в карман брюк. Откидывает свою дурацкую чёлку — этим своим, пафосным движением, от которого у меня каждый раз кулаки чешутся.

И смотрит на меня. Глаза в глаза. И во мне закипает.

Это не ненависть, нет. А это — другое.

Это в крови. В каждой клетке. Это мне с младенчества досталось — смотреть на него и хотеть подойти. Врезать. Сломать. Уничтожить.

— Лёха надо договориться. О продлении нейтралитета. Внепланово. На сутки.

Лёха смотрит на меня как на самоубийцу.

— Демьян... он не согласится. Ты же понимаешь?

Понимаю.

Конечно, блядь, понимаю.

Этот сучара Сава знает правила лучше меня. Знает, что если я нарушил — значит, мне по правилам нельзя находиться там, где он. Нельзя делить территорию. Нельзя даже дышать в одном зале без согласования. А без нейтралитета — никак.

А значит — будет бойня.

Кровь. Раненые. Полиция. На следующий день — куча статей в сетях с подробностями. Красивыми, сочными, с фотками, где мы в кровище. И наши ребята, скрипя зубами, будут всё это подчищать. Заметать следы. Разруливать с ментами.

А главная хуйня — мой отец.

Он и правда с меня шкуру спустит. За то, что я хотя бы в этот день так обложался. В день защит. В день, когда спонсоры, попечители, эта мразота с деньгами, которую нельзя бесить. Он мне яйца оторвёт и в рот запихает.

И я, конечно, прекрасно понимаю, зачем этот сучара

устроил всё именно сейчас.

Ростовская.

Она будет на вечеринке.

А он греет цель — заполучить малышку Настю. Не просто трахнуть и выбросить. Под венец. Все серьезно. В принципе, как и у меня.

И дело даже не в соперничестве. Не в том, что я не могу ему уступить. Дело в ней. В девчонке.

Просто потому что она — идеал.

Идеальная жена. Идеальная мать для будущего потомства. Единственная неиспорченная девушка, которую я вообще встречал в этой жизни. Родители держат её в строгих, мать их, ежовых рукавицах. Она не шлюха, не охотница, не кукла с пустыми глазами. Она — настоящая. Холодная, неприступная, чистая.

Я такую хочу себе.

Но малышке почему-то плевать на меня.

И это злит.

На удивление — злит. По-настоящему. Не как проигрыш Саве, не как удар по самолюбию. А просто — злит. Что она смотрит сквозь меня. Что я для неё — пустое место. Что она, может быть, даже не знает, как меня зовут.

— Демьян? — Лёха выдёргивает меня из мыслей. — Ты чего молчишь?

— Я слышал.

— И?

— И ничего. Понимает, что подкатывать к Королеве прямо сейчас у него не получится. Он хитрый, но не настолько, чтобы рисковать. Но я этого допустить не могу. Так что — договорись.

Лёха смотрит на меня. Долго. Тяжело.

— Демьян, ну ты реально... — он качает головой.

Киваю в сторону их кучки.

Там Костян — его очкарик мелкий, с залысинами и вечно сползающими очками — что-то жестикулирует Саве. Размахивает руками, как ветряная мельница. А Сава стоит, прислонившись к стене, и смотрит на меня.

Прямо.

Не отрываясь.

Между нами — пять метров.

Ровно пять.

Лёха и Костян подходят друг к другу. Прямо по центру. Как два петуха перед дракой. Задирают носы, расправляют плечи, надуваются.

Сейчас будут говорить от нашего имени.

В коридоре — тишина. Только их голоса, громкие, дурацкие, как у базарных бабок.

— Слышь, Костян, — Лёха начинает первый. — Есть разговор.

— О, надо же, — Костян ухмыляется. — Чернов решил поговорить? А где его знаменитое «сам разберусь»?

— Заткнись и слушай.

— Слушаю.

— Нам нужно продлить нейтралитет. Внепланово. На сутки.

Костян моргает. Поправляет очки. Снова моргает.

— Ты охренел, Лёха? Твой нарушил. Первым. Мы имеем право...

— Я знаю, что вы имеете право. Но давай по-человечески.

— И на вечеринку ваш сегодня не идёт.

Лёха замирает.

Смотрит на меня.

— Это не обсуждается, — продолжает Костян. — Ваш нарушил. Ваш и отдувается. Вечеринка — наша территория. Без вариантов.

Лёха сглатывает.

Снова смотрит на меня.

Я смотрю на Саву. Он улыбается. Криво. Медленно. Своей безумной, маньяческой улыбкой.

Он будет подходить к ней. Улыбаться. Шептать. Она, может быть, даже улыбнётся в ответ — потому что она вежливая.

А я буду сидеть в своей берлоге.

Хрен тебе, Снежок.

Женой она будет моей.

Такую нельзя выпускать.

Лёха аж закипает. Вижу, как у него желваки заходили. Он сейчас лопнет.

— Тогда без вариантов — будет бойня, — цедит он сквозь зубы. — Ты это понимаешь, Костян? Прямо здесь. Прямо сейчас. Спонсоры, полиция, статьи — всё по пизде пойдёт. И вашим, и нашим влетит.

Костян молчит.

Поправляет очки. Думает. Вижу, как у него в голове шестерёнки крутятся — просчитывает риски, варианты, последствия.

— Если только... — тянет он. — Если только до полуночи. Лёха напрягается.

— И на Дне Рождения у Карасёвой. Чернов там быть не должен.

Я сжимаю челюсть.

Карасёва. Настя там будет. Это сто процентов. Они подружки, трутся вместе, хвостиками друг за друга бегают.

Значит, Сава продавливает своё. Хочет получить территорию без меня. Хочет подбираться к ней, пока я буду сидеть в своей берлоге и считать часы.

— Только при таких условиях, — заканчивает Костян. Он отходит к Саве.

Лёха поворачивается ко мне. Открывает рот, чтобы что-то сказать — наверное, начать возмущаться, объяснять, какой это пиздец, как они нас нагибают...

Я просто киваю.

Один раз.

Коротко.

Лёха замирает. Смотрит на меня непонимающе.

— Согласен, — говорю я.

Лёха сглатывает. Кивает. Разворачивается и идёт обратно к Костяну.

— Идёт, — говорит Лёха. — До полуночи на вечеринке. Нейтралитет. На Дне Карасёвой Демон не присутствует.

Костян кивает. Протягивает руку.

Лёха пожимает.

Смотрится это дико. Два очкарика. Ведут за нас переговоры.

Я смотрю на Саву. Он смотрит на меня. В его глазах — усмешка. Кривая, довольная. Он знает, что продавил. Знает, что выиграл этот раунд.

Но в глубине — что-то ещё. Та же усталость. То же понимание, что кровавая бойня сейчас — это пиздец для всех. Особенно перед Ростовской.

Ему тоже не нужны трупы в коридоре.

Не сегодня.

Я отворачиваюсь.

— Лёха, пошли.

Иду к выходу.

В машине темно.

Только огни города мелькают за тонированными стёклами — жёлтые, белые, красные. Салон гудит ровно, тепло. Рядом Лёха уже полчаса молотит по телефону, разбирается с последствиями.

— ...да я сказал — упала стойка с оборудованием... нет, не спрашивай, откуда там стойка, придумай что-нибудь... да, штукатурка осыпалась, стена треснула, но это же старый корпус, мало ли... нет, Чернов там не был... я тебе русским языком говорю — стойка, блядь, упала, проводка замкнула, искры, все дела... да, испугались, разбежались, что за идиоты — не знаю, не я их нанимал... Грошеву скажешь — прорвёмся... И девчонку найди, нужно будет с ней перетереть. Свята, Осокина.

Я слушаю вполуха. Лёха — мастер затирать следы. Уже придумал какую-то херню про стойку с оборудованием, про проводку, про то, что в старой подсобке вообще всё разваливается. Главное — чтоб отца не вызвали. А отец, если и узнает, то не сразу. Завтра. Послезавтра. Если я сам приду и объясню.

Но не сегодня.

Чешу запястье.

Не глядя. Просто — привычка. Кожу где-то стянуло, что ли.

Пальцы натыкаются на что-то чужое. Ткань. Резинка.

Опускаю взгляд.

И замираю. Только сейчас заметил, и когда я ее успел натянуть?

Чёрная резинка. Плотная, тугая, та, которой она стягивала свой дурацкий хвост. Обхватывает моё запястье — и на ней... Волосы.

Целый пучок огненно-золотых, рыжих, живых волос. Прилипли к резинке, обвили её, запутались. И в темноте салона, в этом полумраке, они светятся.

Серьёзно, блядь, светятся.

Как неон. Как сигнальный огонь. Как те прожектора, которые на стройках ставят, чтоб никто не провалился.

Они чешут кожу. Касаются запястья при каждом движении машины — мягко, но настойчиво.

Рыжая.

И имя такое. Свята? Света? Какая-то дурацкая церковная херня.

Глава 14 Демьян

Особняк вспыхивает в темноте — белый, огромный, с колоннами и сотнями окон. Подъездная аллея забита техникой: фуры со светом, генераторы, автобусы для персонала. Целый лагерь посреди снегов.

Выхожу из авто. Мороз щиплет щеки, снег хрустит под ногами. Над входом светодиодные арки переливаются синим и серебром. Красиво, блядь.

Внутри тепло. Живой оркестр играет что-то тягучее, джазовое. Люстры хрустальные. Столы в белоснежных скатертях, свечи, золотые тарелки. Официанты скользят бесшумно.

Прохожу в главный зал.

Сажусь в дальнем конце, за свой стол. Тимур, Паша, ещё пара своих. Беру бокал, но не пью.

Оркестр сменяет ритм. На сцену выходят акробаты — в белом, с перьями, крутят сальто под потолком. Потом певица, длинноногая, в чёрном платье, поёт что-то про любовь. Ведущий шутит, гости хлопают.

В зале гаснет свет, вспыхивают стробоскопы. Диджей врубает басы — стены вибрируют. Танцпол заливается неоном. И Сава — на нём.

Врывается в толпу первым. Я смотрю и чувствую, как желчь подкатывает к горлу.

Пиздец, как он танцует. Изгибается, прогибается, ведёт бёдрами — медленно, грязно, пошло. Руки скользят по собственному телу — по груди, по животу, ниже. Глаза горят, губы растянуты в безумной улыбке. На скуле ссадина, на губе запёкшаяся кровь. Разукрасил я его. Ему плевать.

Бабы липнут к нему как мухи. Трутся, хватают, смотрят с обожанием. Парни тоже. Тянут руки, смотрят голодно, пошло — будто он не человек, а кусок мяса.

А он позволяет. Вертится среди них как дешёвая шлюха. Трогает себя, даёт себя трогать. Кайфует.

Стою в стороне, прислонившись к стене. Не танцую. Никогда. Просто смотрю на это убожество. И мне противно. До рвоты. До скрежета зубов.

Музыка стихает, все рассаживаются. Главный вход распаивается — широко, плавно, будто специально для неё.

Входит Настя Ростовская.

Идёт медленно. Прямо по центру зала, между столиками — и все головы поворачиваются за ней. Высокая, статная, прямая как струна. Платье длинное, серебристо-серое, струящееся, облегает фигуру, но без вульгарности. Строго.

Рядом две подруги. Тоже красивые, в вечерних платьях. Но они тени. Фон. Главная — она.

Проходит к своему столику. Центральная вип-зона, напротив сцены. Садится, поправляет платье, поднимает глаза.

И певица будто бы набирает громкость. Будто поёт специально для неё.

Смотрю на Саву. Замер. Только что дёргался как дешёвый стриптизёр, а теперь статуя. Сидит, сжимает бокал, взгляд приклеен к ней. В глазах голод. Настоящий, звериный.

Потом встаёт. Поправляет рубашку — ту самую, мятую, с брызгами крови. Зачёсывает чёлку назад. Идёт к ней. Плавно. Уверенно.

Сжимаю челюсть.

Подходит. Настя поднимает глаза. Улыбается — холодно, вежливо, как незнакомым на светских раутах. Он что-то говорит, наклоняется к её руке, целует. Она кивает. Снова улыбается. Жестом приглашает сесть. Садится рядом.

Смотрю и чувствую, как внутри закипает чёрное, липкое, бешеное.

Подруги Насти что-то щебечут, стреляют глазами в Саву. Он само обаяние. Улыбается, шутит, наклоняется к ней ближе. А она слушает. Кивает. Смотрит на него этими холодными, прозрачными глазами — ничего не прочитает.

Не слышу, о чём говорят. Но вижу, как он подаётся вперёд. Рука ложится на стол рядом с её рукой. Близко. Слишком близко. Подзывает официанта, что-то заказывает. Для неё. Она кивает. Улыбается.

Сава жестикулирует, что-то рассказывает. Она слушает, склонив голову набок. Потом вдруг переводит взгляд — и смотрит прямо на меня. Секунда. Две. Потом отводит и снова улыбается Саве.

Сжимаю бокал — сейчас треснет.

Певица меняет ритм. Медленно. Тягуче. Что-то про снег, про ночь. Сава поднимается, протягивает руку Насте. Она принимает. Встаёт, поправляет платье — серебристое, струящееся, с открытой спиной. Идёт за ним на танцпол.

Смотрю, как танцуют. Он держит её аккуратно. Осторожно. Рука на талии — но не прикасается к голой коже, лежит поверх ткани. Дистанция — будто она хрустальная.

Этот ублюдок, который пять минут назад дёргался как дешёвая шлюха, позволял себя трогать кому попало, — сейчас само благородство. Вежливый. Почтительный. Тварь.

Что-то шепчет ей на ухо. Она кивает. Улыбается своей холодной, кукольной улыбкой. И смотрит на меня. Прямо через его плечо. Секунда. Две. Потом отводит глаза.

Моргаю. Показалось? Нет. Через минуту — снова. Поворачивает голову, смотрит в мою сторону. Встречается взглядом — и снова к нему.

Что за херня? Танцует с ним, он ей шепчет, а она смотрит на меня?

Песня заканчивается. Сава галантно целует её руку, отводит к столику.

Настроение — в минус. В ноль. В пиздец.

Иду к выходу.

Терраса. Снег. Мороз. Тишина. Здесь никого — все внутри. Только белый снег, чёрное небо и холод, от которого щиплет лёгкие. Достая сигарету. Закуриваю.

Слышу шаги. Обернуться не успеваю — вижу отражение

в стеклянной двери.

Она выходит на террасу. В том же платье — серебристом, тонком, с открытыми плечами. Без накидки. Мороз под двадцать, а она как летом. За ней, метрах в десяти, замирает фигура. Охранник. Чёрный костюм, каменное лицо. Стоит так, чтоб не видно, но чтоб видел всё.

Резко стягиваю пиджак.

— Ты чего? — подхожу, накидываю ей на плечи. Пиджак огромный, чёрный, закрывает почти всю. — Замёрзнешь. Зачем вышла?

Поднимает глаза. Вблизи они ещё страннее — светлые, почти прозрачные.

— Спасибо, — голос тихий. — Там слишком громко. Решила побыть одной.

Киваю. Мы пересекались раньше. Косвенно. На мероприятиях, в коридорах института. Она в курсе, кто мы. Что с Савой друг другу значим. Что оба... ну, претендуем.

Смотрит. Ждёт чего-то. Не выдерживаю:

— Слушай, Насть. Давай без игр. У меня к тебе серьёзные намерения.

Говорю — и сам прислушиваюсь. Должна же быть вспышка? Страсть? То самое, от чего сердце заходится?

Нет. Пусто. Спокойно. Ровно. Как отчёт отцу зачитать. Она идеальная жена. Для меня. Для Черновых. Всё правильно. Всё по плану.

Но искры — нет.

Может, так и надо? Уважение, понимание, надёжный тыл? Может эта искра появится позже, когда буду знать, что она полностью моя?

А может, после того, как увидел её танец с Савой... Как он касался, как она позволяла... Что-то оборвалось?

— Я не обижу. Пальцем не трону — добавляю. — Давай попробуем. Время дам. Узнаешь — решишь. Если нет...

Стою, смотрю на неё и ловлю себя на мысли — никогда так не разговаривал с девушкой. Никогда не был настолько... вежливым. Насколько аккуратным. Она же другая. Чистая. Скромная. По ней видно. Такие нежности требуют. Иначе — испугаются.

Стараюсь держать осанку. Сдерживаю внутри демонов. Рядом с ней надо быть аристократом. Хотя я хуй гороховый. Но для неё — попробую.

Молчит. Отводит глаза. Краснеет.

И вдруг выдаёт:

— Я хочу поговорить с вами двумя.

Застыл.

— С кем?

— С тобой и Савой. Наедине. Без свидетелей. Без вашей и моей охраны.

Смотрю и не понимаю. Ослышался?

— Насть... ты понимаешь, что это невозможно?

Голос сел. Хриплый, чужой.

— Мы даже воздухом одним дышать не можем. Это опас-

но. Я не хочу, чтобы ты видела меня... зверем. Теряющим контроль. Не хочу перед тобой таким быть. Зачем тебе?

Кусает губы. Поправляет волосы. Отводит глаза — и в них блестит. Слеза?

— Думаешь, я не наблюдаю? — голос дрожит. — Думаешь, не знаю, что у вас ко мне серьёзно? У обоих? Меня родители не первый год готовят — или Чернов, или Зимин.

Молчу. Киваю. Пусть продолжает. Но это «или-или» уже не нравится.

— Не могу больше видеть, как вы убиваете друг друга. Не могу. Сердце не выдерживает. Хочу поговорить с вами. С двумя. Наедине.

Отвожу глаза. Смотрю в снег. Мотаю головой. Не понимаю.

— Демьян, — шаг ближе. — Это мои условия.

— Насть, — тихо. — Я не понимаю. Какой смысл?

Молчит. И вдруг — всхлип. По щеке течёт слеза. Чёткая, прозрачная, в свете фонарей.

— Прости, — шепчет, отворачивается. Быстро стирает слезу. — Прости, я не хотела...

Накрывает. Злость. Не на неё — на себя. На ситуацию. На то, что плачет. Из-за меня?

— Насть, чёрт, — выдыхаю. — Я не хотел расстраивать. Давай зайдём. Замёрзнешь.

Качает головой.

— Нет. Там шумно.

И вдруг — шаг. Прижимается ко мне. Распахивает мой пиджак, который всё ещё на ней, зарывается лицом в грудь.

Застыл. Это было чертовски неожиданно. Руки чужие. Не знаю, куда деть. Смотрю поверх головы на охранника. Тот стоит у колонны расслабленно, даже не дёрнулся.

Странно. Очень странно.

Опускаю взгляд на неё. На серебристую макушку, на пиджак, на то, как прижимается... Не понимаю. Вообще перестал что-либо понимать.

Аккуратно, почти несмело, кладу руки на плечи. Чтобы согреть. Не спугнуть.

— Насть, — голос хриплый. — Я так не согрею. Давай зайдём.

Молчит. Только крепче прижимается. Потом отпускает.

Я в смятении. Мы косвенно знакомы, родители знакомы, про то, что хотим породниться — в курсе. Но такого разговора не было никогда. Это вообще наше первое прикосновение. В шоке. Вдвойне — от предложения про Зимина.

— Прости, я не хотела тебя разочаровывать.

Подходит второй охранник. Она снимает мой пиджак, отдаёт мне. Накидывает длинную пушистую белую шубу на плечи. Становится похожа на Снежную Королеву.

Опять смятение. Обычно она недоступная, безразличная. Казалось, плевать на нас. А сейчас другая. Чувствительная. Расстроенная. Встревоженная. Правда переживает.

— Насть, ты меня не разочаровала. Я настаиваю на встре-

че. Хватит беготни. Я думаю время уже пришло.

— Свои условия я выдвинула, Демьян. — Поправляет волосы за ухо, где блестят длинные серьги-кристаллы. — И Сава сказала. Сначала встреча с вами двумя. Я, ты и Сава. Адекватное общение.

Видит моё перекошенное лицо.

— Я не боюсь вас, Демьян. Двоих. Знаю, при мне вы не впадёте в бешенство. Я единственная, кто может поставить конец вашей войне. И только после этого сделаю выбор.

После этих слов к ней подходит охрана с двух сторон. Уходят. Покидают особняк.

Я в ахуе.

Вот тебе и скромница. Стержень у малышки есть. Но мотивы непонятны. Манипулировать собой не позволю. И уж тем более быть третьим в игре, не интересно.

глава 15 Сава

Пиздец. Просто пиздец.

Когда Ростовская своим робким нежным голосом выдала условия, я выпал.

Чего нахрен? Она хочет поставить точку в нашей войне? Она единственная, кто на это способен? А с какого хера нам вообще разбираться в этой войне?

У меня к ней серьёзные намерения. В планах — сделать своей женой. Но не выяснять отношения с утырком Черновым. Уж точно не при ней.

Я наблюдал, как она прижималась к нему в его пиджаке. Решил не подходить. Сначала понять — что за игру ведёт.

Она ушла со своей охраной.

Вот тебе и на. Девочка показала характер. Удивила. Молодец, блядь. С другой стороны — смелая малышка. Именно так, видимо, хочет обезопасить будущую семью и детей. Похвально её предложение — пообщаться и поставить точку. Но боюсь разочаровать. Поставить точку в нашей войне невозможно.

У меня и у него это в крови.

Наблюдаю за стеклом, как Ростовскую уводят. Чернов провожает взглядом, натягивает свой пиджак. Она ему тоже самое сказала, что и мне? По уродской роже видно — он тоже в ахуе. Ещё бы.

Никто так смело не осмеливался, такое предложить.

Этот урод чешет запястье. И тут блеснуло. Что-то огненно-золотое на руке.

Я прищурился. Резинка. И на ней волосы. Огненно-рыжие.

Будто выдрал их из головы той девчонки. "Хитрая лиса играла в игру" Рот наполнился слюной.

Вспышка — как она была прижата к ублюдку. Надо признать, тело у девчонки сочное. Сиськи зачетные, крупные. Хорошо будет прижать между ними член.

Оценил, шестерку из десяти, можно будет ей поставить. Твердую. Обычно у меня восьмерки или девятки. Нуу... экспериментировать же надо.

Только вот схуя она ещё не перекрасилась в блонд? Или уже обещала отсос Чернову и перекрасится в брюнетку?

Злость берёт. Потому что если перекрасится в чёрный — я эту шлюху выжгу. Не знаю, почему лютая ненависть. Но берёт.

Час ночи. Полночь давно прошла. Нейтралитет кончился. Формально я могу сейчас подойти и вмазать ему. И он мне. Но оба вымотаны в хер. Кровавой бойни не будет. Мелкая потасовка — ну, это в норме.

Ноги сами несут на террасу. Выхожу. Мороз обжигает лицо, снег поскрипывает под ногами. Туманно как-то. Белая муть вокруг, фонари светят сквозь неё размытыми пятнами. Он слышит шаги. Поворачивается. Смотрим друг на друга.

Метр между нами. Два.

И тут я ловлю себя на мысли — странной, нелепой, но факт: когда никого нет, мы иногда вот так вот общаемся. Без свидетелей. Без охраны. Без этой вечной игры на публику. Дико звучит, но Снег и Демон — мы можем просто говорить. Когда никто не видит.

— Провожаете? — спрашиваю.

— А ты подглядываешь? — отвечает.

Голоса тихие. В такой темноте и тумане даже орать не хочется.

— Интересно просто, — пожимаю плечами. — Что она сказала тебе?

— Не твоё дело.

— Всё, что касается её — моё дело.

Он усмехается. Криво, жёстко.

— Делить собрался? Рано, Снежок. Она ещё не выбрала.

— А выбирать будет? — Криво улыбаюсь. Выпускаю пар из рта. Смотрю, как он растворяется.

— Сказала — будет.

Стоим. Снег падает медленно, крупными хлопьями. Тишина — только где-то далеко музыка из особняка гудит.

— А ты чего руку чешешь? — киваю на его запястье.

Он напрягается. Чуть-чуть, но я замечаю. Кулак сжимает, будто прячет что-то.

— Блохи, — цедит.

— Вот же, ебаная блоха. — ржу.

— Иди нахуй.

Подхожу ближе. Он не двигается. Стоит, смотрит в глаза. Вблизи его рожа ещё противнее — шрам через бровь, моя работа. Глаза чёрные, злые.

Дёргаюсь резко — он не ожидает. Хватаю за руку, тяну к себе. Он рычит, вырывается, с силой толкает меня в грудь. Я отлетаю на шаг, два. Снег скользкий, еле удерживаю равновесие.

— Не лезь, — шипит. И уходит. Быстро, не оглядываясь. Скрывается за стеклянной дверью, потом внутри, в толпе, в свете.

А я остаюсь. Стою на этой террасе, в белой снежной мгле. Туман сгущается, фонари еле светят. Вокруг — ни души. Только я и этот бесконечный снег.

Разжимаю кулак. В руке — резинка. Та самая. Чёрная, плотная, с налипшими рыжими волосами. Они блестят, мерцают в тусклом свете. Бронзовые. Огненные. Живые. Сжимаю её в кулаке.

Упадок сил. Просто тупой, мутный упадок. Не пьяный — выпил немного, даже не вставило. Просто пустота внутри. Вымотан в хер.

— Сава.

Поднимаю голову — Руслан, мой охранник. Стоит, смотрит.

— Назар Савельевич подъезжает. Решил тебя забрать. Злой, так что выходить надо.

Накидывает на плечи мой пиджак. Синий, от смокинга. Тонкий, парадный — от холода никак. Но мне плевать. Я не сопротивляюсь. Холода не чувствую. Киваю. Иду к выезду. Ноги сами несут. Туман рассеивается, особняк остаётся за спиной.

Парковка, машины, люди в чёрном. Где-то там должен быть Maubach отца.

В руке всё ещё резинка. Зажата в кулаке, пальцы не разжимаются. Подношу к лицу. Любопытство глупое, дурацкое.

Просто интересно — чем пахнут её волосы?

Нюхаю. Останавливаюсь. И замираю. Запах. Тонкий. Еле уловимый. Что-то тёплое, сладкое, но не приторно. Ваниль? Мёд? Хуй поймёшь. Но приятно. До одури приятно.

Втягиваю носом сильнее. Громко, в голос, чтобы поймать этот тонкий след. Он уходит, тает, слишком нежный, слишком быстрый.

И тут же — второй слой. Другой запах. Жёсткий. Агрессивный. До боли знакомый. Демьян. Его парфюм. Его пот. Его кожа. Я этот запах узнаю из тысячи — потому что мы сталкиваемся в драках постоянно, потому что он въелся в память. Древесный, горький, с металлической ноткой крови. Всё смешалось. Её тонкий, нежный — и его грубый, звериный. На одной резинке. В моём кулаке.

Снова нюхаю. Жадно, глубоко, пытаюсь удержать её запах, который ускользает.

Плевать, как это выглядит со стороны. Плевать, что кто-

то увидит. Стою посреди парковки, как зверь, и нюхаю свою ладонь. Втягиваю воздух жадно, глубоко, пытаюсь удержать этот грёбанный запах.

И тут — фары. Машина отца выруливает из-за поворота. Чёрный Maybach, тонированные стёкла, морда хищная. Тормозит прямо передо мной.

Стекло опускается. Отец смотрит на меня. В упор. Лицо перекошено, глаза бешеные. И орёт:

— ТЫ ЧТО ТАМ НЮХАЕШЬ?! НА НЮХАЛСЯ?! Со-
всем охренел?! Нюхач херов!

Я застыл. Смотрю на него, на свою руку, снова на него. Он реально думает, что я там порошок какой-то нюхаю?

— Чего? — только и могу выдать.

Он орёт. Ещё громче, ещё злее. Матом, грубо, как умеет только он.

— Выплюнь! В машину быстро!

Руслан открывает дверь. Легонько подталкивает в спину — садись. Сажусь. Дверь захлопывается. Тишина, кожаный салон и взгляд отца, который сверлит затылок.

Смотрю в окно. За ним проплывает снег, огни, чужая жизнь.

И вдруг — накрывает. Воспоминания. Хрен их знает, почему именно сейчас. Может, от этого вечера. Может, просто усталость пробила броню.

Два года назад. Или чуть меньше. У отца поехала крыша. Серьёзно, по-взрослому. Привёл в дом какую-то шлюху. И

не просто привёл — поселил, слушался, смотрел в рот. Оказалось, там психолог херова, промыла ему мозги. Работала на кого-то, история мутная, но факт остался фактом. Мама собрала вещи и ушла. Я с ней.

Мама плакала по ночам. Я делал вид, что не слышу. А потом случилось страшное. Мать похитили. И вот тут отец... я никогда не видел его таким. Он готов был землю грызть. И я точно знаю: если бы мать не нашли, если бы с ней что-то случилось — он бы пустил себе пулю. Не сомневаюсь ни секунды.

У них с матерью — не как у людей. Они друг без друга не дышат. Хорошо, что обошлось. Мать вернули.

Потом мы с матерью вернулись в особняк.

Черновы. Мы с ними кровные враги.

Не поссорились — это в ДНК. Столетиями наши прадеды дрались до крови. Деды стреляли друг в друга. Отцы — тоже, пока смокинги не надели. Теперь они просто пальцем тычут друг в друга и выясняют отношения словами. Потому что в костюмах драться — костюмы жалко. Неудобно, да и возраст.

А у нас с Демьяном — без костюмов. Мы как деды. Как прадеды. Как завещано. Это в крови. Суммировано сотнями лет назад. И никуда не денется.

Маме когда-то какой-то призрак шептал, что мы не должны враждовать. Что Черновы и Зимины... Не знаю. Запутано всё. Не хочу об этом думать.

Самое смешное и дикое во всей этой хуйне. Мы соседи. Да, блядь, именно.

Кровные враги, которые реально готовы убить друг друга, — живём на одной земле. Наши особняки — на одной закрытой территории. Моё окно в спальне выходит прямо на участок Черновых. И у него, уверен, то же самое.

Так решили отцы. Сказали: враг должен быть рядом. Мы должны знать, как они дышат, как живут, чем пахнут. И они о нас — то же самое.

Если враг под боком — его легче контролировать. А если развести по разным углам — тогда пиздец, тогда война бесконтрольная пойдёт. Вот так и живём. С пелёнок.

И вы наверное думаете, что нас учили в каких-то элитных частных школах?

Не-а. Судьба решила над нами подшутить. Или отцы решили нас дрессировать как собак.

Чернов — он младший из трёх сыновей. У него два старших брата. Я — тоже младший: у меня старший брат и сестра средняя. И нас, младших, реально воспринимали как щенков, которых надо натаскивать.

Поэтому никаких крутых частных школ. Нас засунули в специальное учреждение для сложных детей. Государственное. Там были реально строгие правила. Потому что кому нужны элитные школы, если ты должен уметь выживать?

Мы там и учились. В одном классе. За одной партой. Два злых щенка, которых посадили вместе, чтобы не дёргались.

И мы сидели, тряслись от ненависти, но не кидались. Потому что если кинемся — от учителей влетит. А если от учителей влетит — отцы узнают, и тогда влетит по-настоящему.

Вот так нас воспитывали. Чтоб умели терпеть. Чтоб умели ждать. Чтоб знали: враг рядом, и это нормально.

Я помню, как мы пятилетними с сопливыми носами дрались через забор.

В шесть лет у обоих была ветрянка — так мы этой ветрянкой друг об друга тёрлись, катались по земле, пока матери не разняли.

А теперь мы взрослые. И ничего не изменилось.

За окном проплывают огни.

— Что нюхал? — голос отца режет тишину салона.

— Ничего.

— Давай показывай.

Протягиваю руку. Ладонь пустая — резинка уже высоко на запястье, под рукавом пиджака. Не заметит.

— Девчонку трогал, — говорю равнодушно. — Решил обнюхать. Запах понравился.

Он смотрит на меня пару секунд. Потом отворачивается. Отвязался. Сработало.

Машина плавно несётся по ночной Москве. За окном — снег, огни, пустые улицы.

— Выступил нормально, — говорю в пустоту.

Молчит.

— Хотя бы похвалил бы. Нет? Или для тебя это не в кайф?

Он медленно поворачивает голову. Взгляд тяжёлый.

— Ты свою работу сделал. Это твоя обязанность, а не подвиг. До июня ещё дожить надо. Экзамены, практика... Или думаешь, после этой показухи всё закончилось?

— Я ничего не думаю. Просто...

— Просто не ной. Мать бы порадовалась, но она не пришла специально, чтобы не отсвечивать.

Машина тормозит у ворот. Наш особняк — огромный, светлый, в холле горит свет. И в мамином окне на втором этаже тоже. Выхожу. Снег хрустит под ногами. Отец идёт следом, молчит, но я чувствую его за спиной — тяжёлый взгляд, вечный контроль.

Дверь открывается раньше, чем мы успеваем подойти. Мама. Стоит на пороге, кутается в шаль. Маленькая, хрупкая, миниатюрная — рядом с отцом вообще как ребёнок выглядит.

Её блонд — невероятный, пепельный, с холодным отливом. Каре, всегда аккуратно уложенное, ни волоска не выбивается. Красивая. Самая красивая.

— Мам, — подхожу, обнимаю.

Она такая тёплая. И пахнет домом — чем-то сладким, уютным, своим. Склоняюсь к ней, чувствую, как её тонкие руки обхватывают меня за талию.

— Сынок, — шепчет. — Устал? Есть хочешь?

— Нормально, мам. Всё хорошо.

— Я так переживала...

— Не надо переживать. Я как всегда был самым охуенным, всё норм.

Она отстраняется, смеется, смотрит в глаза. Гладит по щеке. Потом целует — сначала в одну щёку, потом в другую. Её губы мягкие, тёплые.

— Молодец, — улыбается. — Я горжусь тобой.

Сзади — тяжёлое дыхание. Отец. Стоит, руки в карманы пальто засунул, смотрит на нас. На неё. Взгляд — голодный, собственнический.

С того момента, как они воссоединились, он ходит за ней коршуном. Чуть ли из дома не выпускает, свою Снежинку. Чтобы нигде не светилась, ни с кем не говорила лишнего, что бы даже призраки не могли до нее дотянуться. Безумие, но им так комфортно. Пускай.

— Ладно, — отстраняюсь. — Пойду к себе. Завтра увидимся.

— Спокойной ночи, сынок, — мама улыбается.

— Мам, — оборачиваюсь уже с лестницы. — Ты офигенно выглядишь.

Она смеётся. Легко, красиво. А отец — он уже рядом с ней. Рука на талии, глаза горят. Я ещё даже на лестницу не поднялся, а он уже притягивает её к себе.

— Назар, — слышу её шёпот. — Люди же...

— Люди ушли.

Закатываю глаза. Ну пиздец. Они опять. Когда это закончится? Когда они перестанут друг друга жрать глазами на

каждом углу? Они обжимаются везде. В холле, на кухне, в саду — неважно. Им плевать на прислугу, на охрану, на меня. Им вообще никто не нужен, кроме друг друга.

Поднимаюсь к себе. Захожу в спальню. Закрываю дверь. Щелчок замка — и всё.

Стою пару секунд, прислонившись спиной к двери. Смотрю в темноту. В комнате тихо.

Потом просто... гасну.

Знаете, что никто не знает? Что когда закрывается дверь моей комнаты, я просто... гасну. Потухаю. Как ёлочная гирлянда, которую выдернули из розетки.

Вся эта хуйня — улыбки, позёрство, танцы как у дешёвой шлюхи, выкрутасы перед публикой — это маска. Для ебаной публики. Для пацанов. Для баб. Для всех.

А по факту...

По факту я старик.

Серьёзно. Иногда кажется, что мне не двадцать два, а все сто. Устал с пелёнок быть сильным. Быть быстрым. Быть вечно начеку, потому что вокруг опасность, враги, конкуренты, Черновы эти грёбанные.

Устал.

И единственное, что меня зажигает — ненависть к Демьяну. Только когда вижу его рожу, внутри что-то вспыхивает. Адреналин. Злость. Жизнь.

А без неё...

Без неё я просто сижу в темноте и смотрю в одну точку.

Вся эта вражда поколений... Наверное, на мне и закончится. Потому что я просто не вывожу. Не могу больше тащить эту хуйню.

И только здесь, в тишине, когда никто не видит, я могу признаться самому себе:

Мне страшно.

Страшно, что однажды маска треснет. Что все увидят — внутри пустота. Что я просто актёр, который забыл текст и теперь импровизирует, лишь бы не сорвать аплодисменты.

Нахуй.

Подхожу к кровати. Падаю на неё, не раздеваясь. Лежу, смотрю в потолок. Руки вдруг начинают дрожать. Мелко так, противно. Тремор, блядь. Последнее время часто накатывает. Пальцы ходуном ходят, не унять.

Сжимаю кулаки. Сильно, до боли в костяшках. Дрожь чуть отступает.

В голове — пустота. Только гул какой-то. И сердце колотится — то ли быстрее надо, то ли вообще останавливается. Панические атаки? Хуй знает. Читал, что это — стресс. А кто его не испытывает?

Сегодня сил даже спорить с этим состоянием нет. Пусть накатывает. Пусть трясёт. Мне уже всё равно.

Лежу минут десять. Потом заставляю себя встать. Идти в душ.

Смываю с себя этот вечер.

Резинка. Она всё ещё на запястье. Под водой, намокшая,

с прилипшими рыжими волосами. Смотрю на неё и не понимаю — нахера я её не выкинул? Стягиваю, швыряю на пол.

Выхожу. Заворачиваюсь в полотенце. Подхожу к зеркалу. Смотрю на своё отражение.

Оттуда смотрит красивый парень. Я себе нравлюсь — всегда нравился. Тело — спасибо тренировкам. Мышцы, кубики, всё при делах. Бабы от такого тащатся. Я знаю. Пользуюсь.

Влажные волосы потемнели от воды, лежат на лбу, чуть закрывают глаза. Мокрые пряди, блонд, который в свете ванной кажется почти белым.

Провожу рукой по лицу.

На скуле — полоса от его удара. На губе — шрам, который никак не заживёт до конца. Подношу палец, провожу по губе. Она ещё кровоточит — после душа выступила кровь. Облизываю.

Смотрю в глаза своему отражению. Пусто. Ничего.

Голый иду к кровати. Падаю лицом в подушку. Даже одеялом не накрываюсь — сил нет.

Завтра будет новый день. И кошмары, наверное, будут. Последнее время они всегда приходят.

Но сейчас...

Сейчас вырубаюсь.

Темнота.

Опять.

Наhren. Бляяя...

Лежу на животе, лицом в подушку. Глаза открыты — вижу утренний свет за шторой, край тумбочки, свои пальцы на краю кровати. Вроде проснулся. Вроде всё нормально.

Но не могу пошевелиться.

Знакомое состояние. Сонный паралич, хуй его дери. Не впервой. Но каждый раз как в первый — дикий, гнетущий ужас, от которого внутри всё леденеет.

Пытаюсь дёрнуть рукой — ноль. Пальцем пошевелить — ноль. Даже вздохнуть глубже не получается — тело чужое, тяжёлое, мёртвое.

И тут я вижу.

Из угла комнаты, там, где утренний свет не достаёт, выползает тень.

Чёрная. Густая. Большая.

Человек.

Крупный, массивный силуэт. Выше меня. Шире. Он движется медленно, плавно, будто плывёт над полом.

Я пытаюсь заорать.

В горле — пустота. Ни звука. Только беззвучный хрип, который никто не слышит.

Тень приближается. Подходит к кровати. Наклоняется.

И ложится на меня сверху.

Вес — настоящий. Тяжёлый, давящий, горячий. Я чувствую каждым сантиметром спины, как эта тень прижимает меня к матрасу. Как дышит — ровно, глубоко, прямо в за-

ТЫЛОК.

Воздух спирает. Не могу вдохнуть. Сердце колотится где-то в горле, в висках, в глазах.

Чёрная рука ложится на подушку рядом с моей головой.

Крупная мужская рука.

И на ней — рисунки.

Татуировки. Или выжженные узоры. Чёткие, тёмные, знакомые до боли. До скрежета зубов. Я их знаю. Я их видел тысячу раз.

Но от страха мозг не соображает. Только мысль: кто? кто? кто?

Тень склоняется ниже. Лицо приближается к моему.

И я вижу.

Демьян.

Его лицо. Перекошенное, жуткое, с чёрными глазами — ни белка, ни зрачка, только чёрная пустота. Рот растянут в оскале — не человеческом, зверином.

Я чувствую его вес на себе. Его дыхание на своей шее. Его руку рядом с головой.

И не могу пошевелиться.

Внутри — дикий, животный ужас. Хочется орать, выть, биться — но тело не слушается. Только сердце долбит так, что рёбра трещат.

Он смотрит на меня. Скалится. Наклоняется ниже.

— Су...

Рывок.

Я падаю с кровати.

Грохот. Боль в плече. Холодный пол.

Сажу на полу, тяжело дышу, весь мокрый от пота. Сердце колотится — выпрыгнет.

Смотрю на кровать. Пусто.

В комнате светло. Тихо. Никого.

Упираюсь лбом в колени. Дышу. Прихожу в себя.

— Тварь, — выдыхаю в пустоту.

Но непонятно — кого имею в виду. Его. Себя. Или эту грёбаную жизнь, которая даже во сне не даёт покоя.

А в голове — одна мысль.

Я скоро сдохну.

Не знаю, откуда она берётся. Просто приходит и всё. Сидит где-то под рёбрами, грызёт потихоньку. Все эти годы — драки, разборки, кровь, больницы. Сколько раз уже был на волоске? Не сосчитать.

Вспоминаю подростковый возраст. Мы с Черновым тогда дрались как бешеные. Не просто так — по-настоящему, на-смерть. В подворотнях, на стройках, в каких-то заброшках.

И тогда, помню, после одной драки — я лежал на земле, весь в крови, рёбра, кажется, сломаны, дышать больно. А он стоял надо мной. Тоже побитый, но стоял. Смотрел сверху вниз этими своими чёрными глазами.

И сказал тогда.

Сплюнул кровь и сказал тихо так, спокойно:

— Сдохнешь, Сава. Я в твою могилу наассу.

Я тогда засмеялся. Сквозь боль, сквозь кровь — засмеялся. Потому что это был наш стиль. Наш юмор. Наша жизнь. А сейчас не смешно.

Сижу и думаю — а ведь правда. Когда-нибудь это случится.

Для читателей: состояние, которое Сава описывает как «дисперсию», с психологической точки зрения — это истощение нервной системы, когда маска публичной персоны требует столько энергии, что внутри образуется пустота. Он не просто устал — у него не осталось сил даже на эмоции. Тремор, панические атаки, ощущение «потухшей гирлянды» — классические признаки выгорания и накопившейся травмы. Единственный источник активности — ненависть к Демьяну. Без неё он проваливается в состояние, близкое к депрессии.

P.S. От Савы: Для тех, у кого уже фантазия разыгралась. Нет. Никакого м/м. Мы просто два ёбанных психопата, которые друг без друга уже не могут. Как болезнь. Как наркота. Психосексуальный разбор будет, и после постельных сцен, тоже. Так что выдыхайте и не пишите жалобы. Я предупредил.

Глава 16 Свята

С защиты дипломов прошло несколько дней. А меня до сих пор трясет, стоит только закрыть глаза.

Эта подсобка, этот грохот, их перекошенные лица... Если бы не Лика... Не знаю, сколько бы я еще провалялась на том полу.

Она сама была в ужасе, бледная, но подлетела ко мне, схватила за руки, приподняла и потащила прочь. Я тряслась так, что зубы стучали, пока она в туалете ваткой, смоченной в чем-то жгучем, промокала мне разбитые колени. И меня прорвало. Я говорила, говорила без остановки, захлебываясь словами, пока она округляла глаза.

— Свята, господи... — шептала Лика, замазывая ссадину.
— Он тебя душил? Прямо при нем?

— А этот стоял и смотрел! — выпалила я, и тут мой взгляд упал в зеркало.

Я замолчала на полуслове. Светлая кожа шеи была испещрена багровыми отпечатками. Цепь из синяков. Следы пальцев Чернова. Это как же надо было вцепиться, чтобы оставить ТАКОЕ? Будто я не человек.

— Твою ж мать, Свята... — выдохнула Лика, застыв у меня за спиной с ваткой в руке.

Я смотрела на свое отражение и чувствовала, как внутри все обрывается. Теперь я прочувствовала на своей шкуре.

Какие они отморозки. Оба.

А я? Я еще жалела этого Демьяна, нюни перед ним распускала... Идиотка. Да он чудовище. А Сава — чудовище, у которого еще и крыша едет. Если бы меня не вышвырнуло в коридор, они бы и не заметили моего присутствия. Я бы так и осталась между ними, а они бы просто перешагнули. Или продолжили бы убивать друг друга прямо надо мной.

— Господи... Свята, это же пиздец. Тебе к врачу надо?

— Переживу.

— Слушай, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.